

Мертвая неделя

Автор:

Наталья Тимошенко

Мертвая неделя

Наталья Васильевна Тимошенко

Журналистка Мирра отправляется в отдаленную деревню, чтобы по заданию таинственного заказчика написать статью о свадьбе. Чья это свадьба, ей неизвестно, но в поезде она встречает двух человек, которые едут туда же. На перроне их ждет один из местных жителей – молодой мужчина по имени Степан. Степан явно знает больше, чем говорит, а еще верит в леших, домовых и русалок, не хранит в доме еду и ни за что не рискнет выйти на улицу ночью. Первая же остановка в охотничьем домике по дороге в деревню дает Мирре понять, что Степан не такой уж и странный. Странно и пугающе само место, куда они направляются. Здесь по дорогам бродят мертвые, а жители оставляют для них угощение. И чем больше времени Мирра проводит в деревне, тем сильнее ей кажется, что она взяла билет в один конец. Удастся ли ей вернуться домой или же придется остаться здесь навсегда, тоже поверив в то, что раньше считала выдумкой фантазеров?

Наталья Тимошенко

Мертвая неделя

Пролог

С большим домом Анна подружилась сразу. Едва только муж распахнул широкие двери, а она молодой хозяйкой вошла в просторный холл, как поняла, что им

здесь будет уютно. Дом встретил тихим скрипом половиц, подмигнул заглянувшем в окно зимним солнечным зайчиком, приветственно завыл февральским ветром в печной трубе.

Анна не ошиблась. Она любила дом, отказывалась от любой прислуги, не желая, чтобы за ним ухаживал кто-то другой, а дом отвечал ей тем же. Она шила занавески на окна, а он аккуратно прикрывал ставни по утрам, чтобы солнечный свет не разбудил ее слишком рано. Она чистила камин, а он гасил огонь в печи, если она забывала открыть задвижку. Анна не боялась оставаться одна, когда мужу приходилось ночевать в городе. Знала, что дом защитит, не даст в обиду.

На самом деле она была уверена, что приглядывает за ней домовой. Пару раз даже видела его краем глаза, когда проходила ночью из одной комнаты в другую. Сережа смеялся над ее рассказами, говорил, что в нынешнее прогрессивное время уже глупо верить в эти бабкины сказки, но Анна так не считала. Бабушка ее верила, мама, и ее так научили. Тихонько оставляла домовому угощение: блюдце молока да краюху свежего хлеба. Сережа не знал, ложился раньше нее, вставал позже. А ей так было спокойнее. Вот она и говорила «дом» вместо «домовой». К этому Сережа относился с пониманием, думал, что жене просто одиноко в глуши без подруг и родственников, поэтому и нашла для себя такой вариант «дружбы».

Домовой попался спокойный, хоть и, как вся его братия, любил иногда пошалить: то заколку спрячет, то украшения. Правда, когда Анна вежливо просила вернуть, всегда отдавал. А если не отдавал, значит, так было нужно, правильно. Значит, оберегал ее от чего-то. Как-то, собираясь на прием к одному из друзей мужа, Анна хотела надеть колье и сережки, подаренные им, да последние будто сквозь землю провалились. Анна и просила домового отдать, и угощения в угол ставила. Не отдал. Пришлось надеть другие серьги и изменить прическу, чтобы не бросалось в глаза, что украшения из разных комплектов. Муж уж очень хотел видеть это колье на ней. А на приеме пьяный хозяин споткнулся, упал на нее и порвал его. Жемчужинки покатались по полу, и собрать удалось не все. Так Анна поняла, что домовой предупреждал ее. И впредь слушалась.

Сережа часто оставался в городе, поскольку иногда важные встречи заканчивались за полночь, а Анне больше нравилось на природе. Особенно летом, когда так ярко пахнет свежей травой, жужжат пчелы, перелетая с цветка на цветок, солнце ласково гладит по плечам, весело плещется вода в пруду на заднем дворе. В город она приезжала редко, только по нужде. А уж когда

забеременела долгожданным ребенком, и вовсе перестала там показываться.

Беременность проходила тяжело. Анну тошнило по утрам, днем хотелось все время лежать, зато по ночам она не могла уснуть. Что-то постоянно давило на грудь, не давало дышать. Доктор приезжал к ней два раза в неделю, Сережа старался как можно чаще бывать дома. Настаивал даже, чтобы она взяла компаньонку на время, но Анна пока не соглашалась. Ей одной нужно не так много, справится сама. А дом всегда поможет, если она что-то забудет. Пока не стало совсем худо, справится. Может быть, потом, когда родится малыш, но не сейчас.

Июнь выдался жарким. Солнце уже не гладило ласковой материнской рукой, а жгло ядом мачехи, на улицу можно было выйти либо рано утром, либо вечером, когда оно большим красным диском закатывалось за лес, разливая по деревне темные краски. Анна почти все время сидела дома, окна при этом оставались распахнутыми настезь даже ночью, иначе она не могла спать, ей не хватало воздуха. Впрочем, засыпала она теперь на рассвете. Анна и раньше любила шить, Сережа привез в подарок швейную машинку из самой Германии, а теперь, когда до появления малыша оставалось всего несколько месяцев, почти не вставала из-за нее. Сережа заказал у лучшего мастера колыбельку, и Анна шила постельное белье, одежду маленькому, готовила детскую. У их долгожданного сына должно быть все самое лучшее.

Эта ночь была особенно душной. Нагретая за день крыша дышала жаром, не спасали даже еловые ветки, которыми мужики из деревни по просьбе Сережи укрыли ее. Анна сидела у распахнутого окна спальни на втором этаже, внимательно глядя на выбегающие из-под рук ленты и кружева, и совсем не замечала время. Только когда внизу хлопнула створка окна, подняла голову, прислушалась. В соседней комнате тихо тикали часы, больше ничего не нарушало тишину спящего дома.

Должно быть, ветер, решила Анна, хотя ветки старой яблони, настырно лезущие в окно, даже не колыхнулись. Она снова принялась за работу, но уйти в нее полностью так и не получилось. Мысли то и дело возвращались к хлопнувшему окну. Это точно не ветер. Дом сам закрыл створки? Но зачем? Дом закрывал окна, если на улице было холодно, заботился, чтобы она не замерзла, не простудилась. Но со двора удушливыми волнами катилось тепло, в такой заботе не было нужды.

Анна отложила в сторону шитье, тяжело поднялась и подошла к двери спальни, прислушалась. По-прежнему ничего не нарушало сонной тишины. Она собиралась вернуться к машинке, как вдруг снова захлопнулось окно, на этот раз другое, на кухне. Захлопнулось с силой и даже на защелку закрылось. Анна решительно вышла в коридор. Ей показалось, что внизу кто-то есть. Спрятаться бы, да что толку? Она одна, Сережа в городе, никто не поможет. Надо быть смелее.

Осторожно прошла в соседнюю комнату, которая была Сережиным кабинетом, сняла со стены ружье. Стрелять она не умела, да и едва ли решится выстрелить в человека, если в дом забрался воришка, а вот припугнуть сможет.

Вдоль лестницы тускло горели лампы, и Анна, сжав ружье обеими руками, медленно спустилась вниз. Замерла на последней ступеньке, прислушалась. Тишина заполняла холл, но она все же вскинула ружье и громко спросила:

– Кто здесь? Немедленно убирайтесь! Я буду стрелять! У меня ружье.

Мир замер в ожидании ответа, но его не последовало.

Анна ступила вниз, также медленно, как и прежде, приблизилась к кухне, заглянула в нее. Узкий серп месяца светил в закрывшееся окно, освещая большое помещение. И там совершенно точно никого не было. Она развернулась, чтобы идти обратно, и в тот момент, когда взгляд ее в последний раз скользнул по окну, ей привиделось движение. Анна снова повернулась, надеясь, что действительно привиделось, но прямо за окном, почти прижавшись лицом к стеклу, стояла женщина. Очень странная, не похожая ни на одну жительницу деревни, Анна всех знала. У нее были длинные черные волосы, невымытыми паклями свисающие вдоль землисто-серого лица, черные глаза-бусинки и тонкие губы, приоткрывающие в зверином оскале желтоватые зубы.

Анна от страха отступила назад и направила ружье на окно, но на женщину это не произвело никакого впечатления. Она растянула губы в плотоядной ухмылке еще шире, на мгновение припала к стеклу, а потом резко двинулась в сторону, исчезнув из вида. Анна не сразу сообразила, что она побежала к распахнутым окнам гостиной, а когда поняла, бросилась туда же. Одно из окон, ближайшее на пути следования, было уже закрыто домом, зато второе звало внутрь. Была бы Анна чуть легче, двигалась бы чуть быстрее, точно бы успела, но в ее положении

она бежала слишком медленно, незнакомка успела первой. Отодвинула в сторону длинные портьеры, стремительно ворвалась в гостиную и остановилась, хищно скалясь. Анна поняла, что ей не нужны ни деньги, ни драгоценности. Она пришла за ней.

Анна прицелилась в голову незваной гостьи.

– Стой! – крикнула она, но женщина улыбнулась еще шире, будто знала, что Анна не умеет стрелять.

Секунда – и незнакомка бросилась к ней. Анна вскрикнула и побежала, уронив ружье по дороге. Выбежать бы на улицу, позвать на помощь, вдруг кто-то услышит, да дверь заперта на тяжелый засов. Пока его откроешь, догонит и более медленный преследователь, поэтому Анна поспешила к лестнице. Закроется в спальне, придвинет к двери тяжелый шифоньер, только бы сил хватило!

Ах, если бы не ее положение, она бы снова успела! Но уже на пятой ступеньке оступилась, упала на одно колено, потеряла драгоценное время, и женщина догнала ее. Ухватила за лодыжку, дернула вниз. Анна попыталась задержаться за перила, но незнакомка оказалась сильнее. Пальцы лишь скользнули по гладкой поверхности и разжались. Она успела только перевернуться, чтобы съезжать вниз по ступенькам на спине. Незнакомка тянула ее за ногу, продолжая скалиться и плотоядно облизываться. Анна отбивалась, как могла, звала на помощь, но их дом стоял на отшибе, окруженный огромным двором и садом, толстые стены не пропускали звуки, среди ночи никто не мог услышать ее и прийти на помощь.

Женщина стянула ее вниз и встала над ней на четвереньки. Анну обдало могильным холодом и отвратительной вонью из широко раскрытого рта незнакомки. Несколько капель слюны упали на лицо, но она не могла отвернуться. Что-то жуткое, страшное заставляло смотреть в черные, без белков и радужной оболочки глаза. Мертвые глаза. Такие глаза не могут принадлежать живому человеку. Такой запах не может исходить от живого человека. Даже от самого последнего бездомного, который не мылся уже несколько лет.

Глаза словно гипнотизировали, не давали больше отбиваться, кричать, пытаться спастись. Анна смотрела в них, а по телу волной проходила болезненная

судорога. Одна, вторая, третья. Каждая сильнее предыдущей. Она наконец не выдержала, закричала. А незнакомке только это и надо было. Она мгновенно припала к раскрытому рту своей жертвы, и Анна задохнулась от резкой боли. Будто внутренности из нее вытягивают. Длилось это не дольше секунды, а дальше наступило блаженное беспамятство.

Глава 1

Два дня до Мертвой недели

Мирра

Одиночество никогда не доставляло Мирре неудобств. Ее не напрягала гробовая тишина в квартире, не пугало отсутствие рядом кого-то близкого, не давили на психику стены. Она не заводила постоянных романов, близких подруг, даже домашних животных. И больше всего любила моменты, когда, набрав достаточное количество материала для статьи, могла запереться дома и не выходить из него, пока текст не будет готов. Даже продукты заказывала на дом, оплачивала онлайн и просила курьера оставить пакет под дверь. В таких случаях статья писалась быстро и получалась на загляденье стройной и красивой. Главред знал эту ее особенность, поэтому единственной разрешал работать дома, хоть она и числилась в штате журнала. Если бы не редкие необходимости бывать на летучках, жизнь вообще казалась бы прекрасной.

Несмотря на молодой возраст, Мирра вела собственную колонку, писала о выставках, концертах, спектаклях, освещала культурную жизнь города. Больше всего она любила живопись и скульптуры: величественные, одинокие, не нуждающиеся в чьем-либо обществе, как и она сама. Концерты посещала с меньшим удовольствием, поскольку там всегда много народа, хотя незнакомые люди на таких мероприятиях напрягали ее не так сильно, как коллеги и соседи. В той толпе легко быть одиноким, ни с кем не заводить разговор, не здороваться и не интересоваться делами. На концерте можно стать невидимым в толпе. Никому нет дела до того, с кем она пришла, что здесь делает и куда пойдет после. Вот бы так можно было жить всегда!

К сожалению, нельзя.

Вот и этим утром она со вздохом упаковала ноутбук, оделась и вышла из дома. Главред ждал от нее большую статью к юбилейному выпуску журнала, а такие статьи он предпочитал читать, когда исполнитель находился за дверью. В другом случае Мирра прислала бы ее по e-мейлу, и так же получила бы рецензию с указаниями ошибок и исправлений. Но нет, пришлось ехать в редакцию.

Машины у Мирры не было, ведь для того, чтобы получить права, пришлось бы откатать большое количество часов наедине с инструктором. Такси она не пользовалась по той же причине: таксисты всегда норовят поговорить, влезть в личную жизнь пассажира или рассказать свою. В тех редких случаях, когда ей надо было непременно попасть туда, куда нельзя дойти пешком, она пользовалась общественным транспортом.

Метро чем-то походило на концерт. Людей много, но никто на тебя не обращает внимания, не пытается познакомиться и что-то спросить. А если еще отгородиться от мира наушниками с громкой музыкой, то не пристают даже те, кому нужно узнать дорогу или время.

Но порой паранойя брала верх над здравым смыслом, и тогда ей казалось, что даже в толпе за ней наблюдают. Она чувствовала чужой взгляд, слышала дыхание у уха, ощущала прикосновение чьей-то руки к одежде. Сегодняшняя поездка была как раз из таких. Мирра несколько раз незаметно выключала в кармане музыку, прислушиваясь к происходящему, мельком оглядывалась, запоминая окружающих, переходила с места на место. Присмотрела даже высокого седого мужчину, который шел за ней к метро, а потом ехал в одном вагоне. Он был одет не по погоде: на улице стояла редкая для июня жара, а на нем длинный черный плащ и широкополая шляпа – а потому привлекал внимание. Возможно, потому и запомнился ей, а картинку с преследованием нарисовало богатое от природы воображение.

Рабочий день в редакции был в самом разгаре. Коллеги носились по офису с чашками кофе наперевес, рассеянно кивали ей при встрече, некоторые отрывали телефон от уха и даже здоровались вслух. Вовсе не из вежливости, Мирра не обманывалась. Вслух здоровались те, кто ее недолюбливал. Кто знал, что она терпеть не может вербальный контакт, и не упускал возможности побесить ее.

О Мирре в редакции ходили разные слухи. Ее считали «блатной» и искали этот блат в самых невероятных областях, а не найдя, придумывали. Многие думали, что она родственница главреда, родственные связи с которым они тщательно скрывают. Некоторые даже называли ее его внебрачной дочерью. Мирра никогда не выставляла напоказ, но специально и не скрывала, что воспитывалась в приемной семье, а о родных родителях, как и вообще обо всех родственниках, ничего не знает. Завистники, тщательно копавшиеся в ее биографии, не могли этого не знать, но все равно придумывали небылицы. Главред советовал не обращать на сплетни внимания, и Мирра старалась следовать его совету.

Главредом в журнале третий десяток лет служил один и тот же человек. Михаилу Аркадьевичу уже исполнилось шестьдесят, но выглядел он лет на десять старше. Полный с юности, к своему возрасту он стал совсем тучным. Он со смехом винил во всем жену-повара и нервную работу, от которой постоянно хочется есть, но на самом деле любил прихватить на обед блюда из ресторана быстрого питания, находившегося через дорогу от редакции. А еще мало двигался и постоянно что-то жевал: в лучшем случае это были орешки, в худшем – чипсы.

Мирра пришла в журнал всего полтора года назад, и он как-то сразу взял ее под крыло. Ни сама Мирра, ни ее коллеги так и не поняли, чем она заслужила к себе такое отношение. Ей было комфортно на этой работе – вот что главное.

К удивлению, Михаил Аркадьевич читать статью не стал. Будто даже не заметил флешку, которую Мирра положила перед ним вместе с распечаткой статьи. Михаил Аркадьевич всегда просил подчиненных приносить статьи на двух видах носителей. С бумаги ему было проще читать и делать пометки, зато в компьютерном файле он писал подробные комментарии и указывал, что и почему следует исправить.

– Садись, Мирочка, – велел он.

Мирра на несколько секунд удивленно замерла, а затем аккуратно присела на краешек стула. Предложение сесть вместо обычного взмаха рукой, означающего «далеко не уходи, позову, когда закончу», и тон главреда заставили напрячься. Она даже быстро прикинула в уме, не натворила ли чего за последнюю неделю, но в голову ничего не приходило. За неделю она написала три обычные статьи: осветила пару выставок и балет литовской труппы – и одну огромную,

посвященную совместной выставке пяти художников, но те, насколько ей было известно, звонили в редакцию и статью хвалили.

– У меня для тебя партийное задание, – начал главред с улыбкой, которая показалась Мирре настолько фальшиво-искусственной, что Михаил Аркадьевич мог бы и не напрягаться, все равно обмануть не получилось. – Поедешь в командировку.

Командировка оказалась в какое-то жуткое захолустье, о котором Мирра никогда не слышала, о чем вслух, конечно, не призналась. Она была самой младшей в редакции, иногда удостаивалась снисходительных взглядов от коллег. Мирра с детства обожала читать, искренне считала себя достаточно образованной и начитанной, но прочти ты хоть всю классическую литературу и изучи ушедшую эпоху, а все равно порой старшие коллеги говорят что-то такое, о чем тебе неизвестно, что можно знать, только если тебе минимум тридцать, а лучше сорок, и ты жил в то время, о котором говорят. Мирре же было всего двадцать четыре. Вот и сейчас она не стала признаваться главреду, что впервые слышит произнесенное им название захолустья. Интересно, туда поезда хоть ездят? На самолеты нечего даже надеяться.

– О чем писать? – деловито осведомилась Мирра.

– Репортаж о свадьбе.

– О свадьбе?

О свадьбах она не писала. Шоу-бизнес и его сплетни – не ее стезя. Для этого в редакции есть Шурочка. Дама с большими связями и еще бо?льшим желанием эти связи постоянно увеличивать. Шурочка, казалось, была вхожа во все столичные тусовки, ее звали на дни рождения звезды, а интервью готовы были дать хоть в шесть утра после массовой попойки.

Да и вряд ли это свадьба кого-то известного. Может, некой губернаторской дочки, но зачем о ней писать в столичном журнале, который не специализируется на подобном? Такие статьи – всего лишь один разворот.

– Сам ничего не понимаю, – развел руками главред. – Но просили, чтобы поехала именно ты, на тебя прислали билеты.

– А чья свадьба?

– Тоже не знаю.

Все это казалось Мирре странным. Зачем просить прислать корреспондента, который не специализируется на данном направлении? Какая статья у него получится? Или же ее выбрали как самую молодую? Возраст после имени автора статьи в журнале, конечно, не прописывается, но узнать не сложно. И почему именно их журнал? Он не такой уж большой, совсем не федерального значения. В общем, вопросов возникало множество, но ни на один из них главред ответов не знал. Мирре оставалось только смириться и ехать домой, собирать вещи.

– Командировочные Галочка переведет на карту к вечеру, – пообещал главред, когда Мирра уже взялась за ручку двери. – И будь осторожна.

Последняя фраза заставила ее отпустить ручку. Она решительно повернулась к Михаилу Аркадьевичу и вернулась к столу.

– Почему? – спросила прямо. – Вам что-то известно?

– Вот именно: мне ничего не известно, – вздохнул главред. – И это заставляет беспокоиться. Ты еще очень молода, Мирочка, но поверь моему опыту: не просто так позвали тебя. Письмо не подписано, про чью свадьбу писать – неизвестно. Но требуют именно тебя. Билеты оплатили, солидную сумму на командировку перевели. Ты меня извини, девочка, ты очень талантливый журналист. У тебя острый язык и, как говорится, бойкое перо. Если продолжишь развиваться, из тебя выйдет толк. Если начнешь писать на более злободневные темы, может, даже станешь известной. Но пока тебе всего двадцать четыре, у тебя почти нет опыта. И если зовут тебя, значит, нужна именно ты. Не как журналист, а как Мирослава Лесникова. И мне это не нравится.

– Тогда почему же вы меня отправляете, если переживаете?

Главред опустил глаза и принялся бестолково перекладывать лежащие на столе бумаги.

– Потому что кроме денег тебе, неизвестный перевел еще и солидную спонсорскую помощь журналу, – признался он. – А ты же знаешь наше положение: в век интернета печатным изданиям все сложнее держаться на плаву. Вопрос закрытия журнала или перехода его в онлайн – что лично для меня одно и то же – почти решенный. А эти деньги позволят нам еще какое-то время продержаться на плаву и что-то придумать.

Мирра кивнула, больше ничего не сказала. Все и так ясно, ничего не меняется. Ее любили и заботились ровно до того момента, пока свои интересы не начинали идти в разрез с ее. Это было знакомо. Так же поступали и ее приемные родители.

Мирру взяли из детского дома, когда ей исполнилось восемь. В приемной семье было двое родных детей, Мирра стала первой чужой. Поначалу она, как и любой детдомовский ребенок, наконец обретший семью, была на седьмом небе от счастья. Наконец-то у нее есть мама и папа, своя комната, игрушки, принадлежащие только ей, одежда, ложка, тарелка. Все это было только ее, не общее. И она ни на что не обращала внимания. Даже когда в семье появились еще трое приемышей, а потом все вместе они хоть и переехали из квартиры в дом, но комнату все равно пришлось делить с приемной сестрой. Комната стала общей, но на двоих и на двадцать – разные вещи. И только в школе Мирре объяснили разницу между ней и родными детьми. Ту самую, которую сейчас объяснил и главред.

Мирру взяли из детдома, но родной не сделали. Опека, а не удочерение, – так это называлось. Потому что в случае удочерения государство не оказывает помощи. За родных детей родители отвечают сами. А опекунами семьям выплачивают пособие, улучшают жилищные условия и дают много других плюшек. И никому не интересно, что ребенок так или иначе осознает себя чужим. Вроде бы и в семье, но при этом ему всячески демонстрируют, что он не родной. Благодаря опеке в восемнадцать лет Мирра получила квартиру, где теперь живет абсолютно одна, ни с кем ее не делая, но когда ей было восемь, она предпочла бы быть родной. Потому что никакая квартира не стоит осознания того, что ты не нужен. Что о тебе заботятся потому, что за это платят. В восемь лет Мирра не могла сформулировать этого, но как любой ребенок, которого дразнят, остро чувствовала.

Она коротко кивнула главреду, ничего не отвечая на его пылкую речь, и вышла за дверь. Какой толк спорить? Нужно ехать домой и собирать вещи. Поезд

отправляется уже сегодня, на какой срок затянется командировка – не известно. Нужно как следует подготовиться.

В опенспейсе, как всегда, было шумно, и на нее внимания никто не обратил. Все уже занялись своими повседневными делами, перемежая их бесконечным чаепитием и сплетнями, Мирра была ими забыта. Всеми, кроме Шурочки.

Мирра почти добралась до выхода, когда кто-то схватил ее за локоть, останавливая. С трудом она не вздрогнула, обернулась, увидев перед собой острое лицо коллеги с заговорщицкой ухмылкой.

– Что от тебя хотел главный? – поинтересовалась Шурочка.

– Да ничего особенного, – пожала плечами Мирра, снова направляясь к лифту, но Шурочка цепкими пальцами держалась за локоть, а потому посеменила следом.

– Точно? А то к нему какой-то мужик с утра приходил, я подумала, что это тебя касается.

– Какой мужик? – спросила Мирра раньше, чем успела себя остановить.

– Да черт его знает. Высокий, седой, лет под шестьдесят.

– В черном плаще и шляпе?

Шурочка даже ростом выше стала, когда поняла, что Мирра догадывается, о ком речь, а значит, и она не ошиблась, решив, что мужик к ней имел какое-то отношение.

– Шляпу не видела, а плащ был. Он, видимо, под дождь попал, тот был короткий, но сильный, минут десять всего лило. С плаща тоже прилично лило, весь пол заляпал, Петровна потом всем мозги прополоскала за это.

На Петровну Мирре было плевать. Петровна всем мозги полощет, кто смеет пройти по чисто вымытому полу не в стерильных носках. А вот мужчина заинтересовал. Но если показать Шурочке свою заинтересованность, та в жизни не отстанет.

– А с чего ты взяла, что речь обо мне шла? – пожала плечами Мирра, наконец высвободившись из цепкой хватки.

– Так после того, как мужик ушел, главный и велел Нюрке тебя вызвонить. Не просто так же?

Шурочка пылливо заглядывала ей в лицо, ждала ответа, но распахнувшиеся двери лифта позволили Мирре пробормотать что-то невнятное и скрыться от назойливых вопросов.

Захотелось быстрее уехать. Не из здания редакции, а вообще из города. Даже если главред соврал о том, что не знает, кто заказал статью, и заказчиком на самом деле выступал тот странный мужчина, ей все равно хотелось уехать.

Матвей

На вокзале было многолюдно и шумно. Толпы пассажиров как стаи рыб в период нереста мигрировали с места на место, и большой зал ожидания походил на потревоженный океан. Кто-то куда-то торопился, кто-то приехал заранее и терпеливо ждал у стены, уткнувшись в смартфон. Кто-то уезжал, кто-то кого-то, наоборот, встречал.

Матвей тоже приехал заранее, чтобы не бежать с чемоданом наперевес, но не настолько, чтобы стоять у стены. Посадку на его поезд уже объявили, а потому можно было неторопливым шагом идти к нужному вагону, подойдя как раз в тот момент, когда основная часть пассажиров уже покажет проводнику паспорт и войдет внутрь, так что стоять в очереди не придется.

Он любил вокзалы. Аэропорты тоже, но вокзалы больше. И аэропорты, и вокзалы означали, что в размеренность обыденной жизни врывается что-то необычное, какое-то приключение, будь то командировка или просто поездка в новое место. Когда Матвей был маленьким, бабушка каждое лето возила его на море на поезде. Они ехали несколько дней в вагоне с такими же отдыхающими, где была куча взрослых и еще бо?льшая куча детей. Матвей любил эти поездки, в которых можно было запросто обрести новых друзей, провести с ними две недели на море, а потом еще несколько месяцев переписываться по почте и иногда

перезваниваться. Со временем общение сходило на нет до следующего лета, когда в новом поезде обретались новые друзья.

Став взрослым и закончив институт, он часто летал по делам фирмы. И хоть почти всегда ему удавалось найти время посмотреть новый город, куда забросила судьба, все равно это было не то. Новые места, новые впечатления, но в полетах уже не находились друзья. Несколько раз Матвей летал в отпуск с Катей, но это тоже было не то: с Катей заводить новые знакомства вообще было нельзя. К девушкам она его ревновала, а к парням ревновал ее он.

А потому вокзалы он любил гораздо больше аэропортов.

Как он и рассчитывал, толпа пассажиров и провожающих уже успела отстоять общую очередь и теперь рассредоточилась по вагону, распихивая по угрожающе малому объему купе несчетное количество чемоданов, сумок, коробок и пакетов. Ехать предстояло долго, от конечной до конечной поезд шел почти два дня, а потому бо́льшая часть пассажиров была навьючена как горные ослы. У Матвея же был всего один чемодан, поэтому он не торопился.

Проводник проверил паспорт, сверился со списком пассажиров, с подозрением посмотрел на единственный чемодан, но ничего не спросил, озвучил место и пропустил в вагон. Внутри стояла духота, пахло цветами и солеными огурцами. Должно быть, кто-то не довез запасы. Ежесекундно извиняясь, Матвей с трудом протискивался по узкому коридору. Провожающих было слишком много, они не помещались в купе, где пассажиры распихивали вещи, а потому занимали собой все пространство в длинном как кишка коридоре.

Наконец он добрался до нужного купе и с облегчением нырнул внутрь. Там уже сидела девушка, обернувшаяся на грохот открывшейся двери. На вид года двадцать два – двадцать три, не больше. Удобные широкие джинсы и футболка говорили, что ехать она собралась долго, возможно, до самой конечной станции. Длинные темно-каштановые волосы собраны в растрепанный хвост, лицо без макияжа. Но больше всего Матвея заворожили ее глаза: большие, чуть раскосые, ярко-зеленые, как будто сверкает на молодой траве ранним утром прохладная роса. Точно такого цвета, какой он выбрал для некоторых фасадов домов в проектируемом жилом комплексе... А впрочем, ладно, он же зарекался не думать о работе. По крайней мере, во время поездки.

На самом деле еще позавчера вечером никакой поездки в планах не было. Весь день он бегал по офису, согласовывал детали. Проект, над которым он работал последний год, уже был запущен, котлован отрыт, залиты фундаменты под первые дома. Огромный проект, целый жилой комплекс, и все это его, Матвея, работа. Конечно, не только его, были и другие архитекторы, инженеры, конторы-подрядчики, согласование с главным инженером, но все-таки это был его проект. Он его разрабатывал, не спал ночами, вынашивал дольше, чем женщины вынашивают детей. Этот проект должен был стать его визитной карточкой, его пропуском в светлое будущее. Ему доверили такое дело, а он!..

Еще позавчера вечером все было хорошо. Матвей закончил все дела поздно, на улице уже смеркалось, хотя в это время года ночь опускалась на северный город поздно и ненадолго. Потянулся, размял затекшие мышцы, собрал бумаги в портфель, выключил свет и направился к выходу, крутя в голове важные мелочи. Уже не рабочие, домашние: отнести рубашки в прачечную, костюм – в химчистку. Скоро презентация, хорошо бы выглядеть на ней прилично. Заехать в магазин за продуктами, в холодильнике уже даже мышам вешаться не на чем, скоро ему придется побираться по соседям, как Антохе из второй комнаты. А еще купить еды Василию, потому что если Матвей может лечь спать голодным в случае полного отсутствия еды в холодильнике, то Василию на пустой желудок совершенно не спится. В памяти Василия еще живы воспоминания о холодном мусорном детстве, а потому он начинает паниковать уже в тот момент, когда видит дно в миске.

Все эти мысли были прерваны одним телефонным звонком: Катя просила забрать ее из ночного клуба и отвезти домой. В такие моменты Катя напрочь забывала, что месяц назад сама бросила Матвея ради какого-то парня на БМВ. На БМВ Матвей еще не заработал, а потому завидным женихом не считался. Парень на БМВ обещал возить Катю отдыхать не раз в год, а минимум раз в сезон, и не в Турцию или Испанию, а на Бали. Куда уж Матвею до парня на БМВ? Но вот парень на БМВ, очевидно, не жаждал забирать Катю из клуба, где она проводила вечера с подружками. Или же Катя скрывала свои развлечения от него. Но звонила она всегда Матвею. И он, ненавидя себя и давая себе обещания, что это в последний раз, ехал забирать ее.

На Кате было блестящее серебристое платье, туфли на высоком каблуке и крохотная сумочка, которую она купила во время последнего совместного отдыха. То есть он купил, Катя, как уважающая себя девушка, не тратила деньги на отдыхе. Должно быть, парень на БМВ еще никуда ее не возил и ничего не

покупал, только обещал.

Катя скользнула в не такой представительный Опель, как ни в чем не бывало чмокнула его в щеку и тут же вытащила телефон, чтобы кому-то позвонить. Иногда Матвею казалось, что она делает это специально, чтобы не разговаривать с ним. Но такая версия предполагала наличие у Кати остатков совести, а вот в этом Матвей сомневался. Она теперь будет болтать по телефону до самого дома, и даже выходя из машины продолжит говорить, лишь на секунду прервется, чтобы снова чмокнуть его на прощание, но не даст и шанса произнести весь тот монолог, который он крутит в голове.

Уже заранее злясь и на себя, и на нее, Матвей отъехал от клуба, краем глаза замечая высокого седого мужчину лет шестидесяти, который стоял в нескольких метрах от входа в клуб и пристально за ними наблюдал. Он не был охранником, это точно, Матвей их знал в лицо. Вот из-за таких мужчин он ездил забирать бывшую девушку из клуба каждый раз, когда она звонила. Если парню на БМВ плевать, то Матвей, как последний идиот, продолжал ее любить и переживать, как бы однажды не увязался за ней очередной мужчина, желающий зла.

И даже вчера утром еще все было хорошо. До того момента, как он, вдохновленный и окрыленный, пришел на работу.

Оказалось, что проект рисковал стать такой визитной карточкой, после которой ему не то что из архитекторов надо уходить, а вообще уезжать в глухую деревню и не проектировать даже собственный туалет на улице. Потому что никто и никогда больше не допустит его к работе, если узнает.

Главный инженер выглядел бледной копией себя самого, когда Матвей зашел в кабинет. Матвей уже знал из разговоров коллег, что случилась какая-то накладка, но еще не представлял всего масштаба катастрофы.

– Как же так, Матвей? – вопрошал Дмитрий Петрович. – Как же ты так промахнулся?

На самом деле главный говорил не «промахнулся», а куда более веско, но Матвей, воспитанный бабушкой, редко позволял себе подобные слова в приличном обществе. Дмитрий Петрович тоже, но в тот момент, очевидно, в его лексиконе остались только такие слова.

– О чем ты думал? Почему ты не проверил за подрядчиком? Ты ведь клялся, что они хорошие ребята, ты поручился за них! Ты обещал, что лично все проверишь! Весь проект теперь насмарку! Все переделывать!

Проект теперь действительно переделывать. И не факт, что новый согласуют. И самое главное: на это нет времени. А ведь инвесторы уже вложили деньги, реклама по всему городу висит как новогодняя гирлянда. Хорошо, что продажи еще не запустили. Плохо, что уже залили фундаменты под три дома. Дмитрий Петрович доверился ему, ведь он уверял, что все сделал, все проверил.

Матвей написал заявление на отпуск за свой счет на неопределенный срок. Радовался, что вообще не уволили. Собирался нести ответственность за ошибку, о чем и сообщил главному инженеру, но Дмитрий Петрович данное заявление даже комментировать не стал. Матвей понимал: ошибся он, но Дмитрий Петрович поставил под проектом свою подпись. Как бы проверил и заверил. А на самом деле понадеялся на подающего надежды талантливый молодой архитектора, который утверждал, что все в порядке.

О чем Матвей думал, когда не проверил за подрядчиком? О том, что его любимая девушка, на которой хотел жениться, без которой ему жизнь не мила, ушла к другому. К парню на БМВ. Сеня, лучший друг, крутил пальцем у виска, говорил, что нельзя так стелиться перед женщиной, но Матвей ничего не мог с собой сделать. Он был согласен никогда не стелиться ни перед какой другой женщиной, но Катя... Катя была для него всем. И она ушла.

А теперь он остался и без работы.

Впервые в жизни ему не хотелось идти домой. В коммунальную квартиру, которая вот уже почти семь лет была его домом. Матвей никогда не был тусовщиком, не имел тысяч друзей, не любил проводить ночи в клубах и на вечеринках, ходил туда только ради Кати, но он чувствовал себя комфортно среди людей. Ему было нужно, чтобы вокруг всегда находились соседи, знакомые, коллеги. И когда встал выбор: купить маленькую квартирку где-то за чертой города или комнату в коммуналке в центре – он без раздумий выбрал второй вариант.

Он любил всех своих соседей: и прилипчивую старушку Марью Ивановну из первой комнаты, и запойного алкаша Антоху из второй, и вечно ссорящуюся

семейную пару из третьей. Даже постоянно меняющиеся жильцы четвертой комнаты его никогда не напрягали. Матвей всегда готов был одолжить им спички, соль и даже деньги, поболтать за чашкой чая или присмотреть за кошкой, когда они уезжали в отпуск. Последнему не очень радовался Василий, ревновал его к другим котам, но мужественно терпел. А вчера Матвей постарался проскользнуть к себе незамеченным. Правда, все равно не вышло.

Иногда ему казалось, что Марья Ивановна целыми дням сидит в комнате у окна (оно выходит в сторону парадной) и ждет его. Или не только его, а всех соседей. Потому что стоило ему только открыть входную дверь, как любопытная соседка тут же появлялась из комнаты, широко улыбалась и обязательно цепляла каким-нибудь вопросом.

– Ваша бабушка звонила, Матвейка, – сказала она вчера.

Очевидно, ждала вопросов о том, в котором часу был звонок или что просили передать, но Матвей промолчал. Буркнул что-то вроде «я ей перезвоню» и собрался скрыться в комнате, но от Марьи Ивановны не так-то просто отвяжаться. Она что-то говорила и говорила, спрашивала и спрашивала, и Матвею в конце концов пришлось просто-напросто невежливо захлопнуть перед ее носом дверь, получив одобрителный взгляд Василия, намывающего лапы на подоконнике. Василий навязчивую соседку недолюбливал, как и любого, кто норовил прикоснуться к его чисто вымытой черной блестящей шерсти.

Однако глупо было полагать, что старушка отстанет. Глубоко одинокую Марью Ивановну никогда не смущало желание соседей остаться в одиночестве. Она постучала в его дверь буквально час спустя.

– Матвейка, снова ваша бабушка звонит!

Пришлось выйти. Теперь бабушка всегда звонила на древний аппарат, стоящий на такой же древней полке в общем длинном коридоре. Казалось, этот телефон тренькает лишь тогда, когда звонит бабушка или какая-нибудь старая знакомая Марьи Ивановны, а потому Марья Ивановна всегда на него отвечала. Никому другому и в голову не приходило поднять трубку, даже если он проходил мимо.

– Что-то она теперь всегда звонит на домашний аппарат, – заметила и Марья Ивановна, пока Матвей шел к телефону.

Он не нашел ничего лучше, чем ответить, что бабушка стара, ей тяжело обращаться с новомодными гаджетами. Ответ соседку устроил. Она и сама пользовалась исключительно старым аппаратом.

Почему бабушка на самом деле звонит на домашний телефон, Матвей не знал. Очевидно, теперь у нее почему-то не получается звонить на мобильный. Странно, что она вообще звонит.

Обычно бабушка спрашивала, как у него дела, интересовалась отношениями с Катей, даже когда они расстались. Но вчера времени даром терять не стала. Сразу же заявила, что пришло время для поездки, к которой она готовила его много лет. И уже собирая чемодан, Матвей внезапно понял, что почти ничего о ней не знает. Бабушка часто рассказывала о том месте, где он родился, говорила, что однажды он туда вернется, зачем вернется, но никаких подробностей при этом не рассказывала. Странно это все. И если задуматься, еще более странно, что Матвей все-таки собрал вещи и пошел на поезд. Не проще ли было забыть и забить? И, наверное, если бы роковой бабушкин звонок раздался в другое время, он так и сделал бы. Но теперь у него не было больше любимой девушки и, скорее всего, любимой работы больше не было тоже. Так почему бы и не поехать? Кто знает, что именно его там ждет?

Так Матвей и оказался на вокзале, сначала в поезде до Москвы, а потом в другом поезде, в купе, где уже сидела черноволосая зеленоглаза незнакомка. Ехать им предстояло долго. Очевидно, что девушка тоже едет далеко еще и потому, что иначе не села бы в этот поезд. По данному направлению двигаются и другие. А вот до конечной идет только этот.

– Я Матвей, – представился он, закинув чемодан под сиденье.

Девушка смерила его холодным взглядом росы на молодой траве и нехотя ответила:

– Мирра.

– Мирра, – с улыбкой повтори Матвей. – Красиво. Это Мирослава?

– Мирра – это Мирра, – с легкой неприязнью повторила девушка, но затем добавила: – Вообще да, Мирослава, но мне больше нравится Мирра.

Матвей снова улыбнулся и пожал плечами, давая понять, что принял правила игры. Взгляд девушки едва заметно изменился. Наверное, ей пришлось по душе такая расстановка. Люди часто ревностно относятся к собственным именам, не любят, когда их коверкают или сокращают. Из Мирославы обычно делали простую Миру, но эта девушка произнесла свое имя твердо, жестко: Мирра. Очевидно, это больше соответствовало ее характеру и представлениям, и Матвей, произнеся ее имя так же, сразу получил расположение. Ехать вместе им предстояло не меньше нескольких часов, и ему хотелось, чтобы атмосфера в купе была дружелюбная. Оставалось надеяться, что остальные два пассажира не подведут. И когда появился первый из них, эта надежда стала крепче.

В купе, распространяя нежный аромат лилий, заглянула незнакомка. Точнее, ангел в виде незнакомки. Невысокая хрупкая девушка в легком невесомом сарафане, с белыми как снег волосами, струящимися по спине до самого пояса, и прозрачно-голубыми бездонными глазами неловко улыбнулась, втаскивая большой чемодан. Матвей тут же бросился на помощь и сразу понял, почему это удавалось девушке с таким трудом: одно колесико было отломано.

– Ой, спасибо! – прошептало небесное создание голосом райской птички и улыбнулось, демонстрируя белые как жемчуг зубы. Пожалуй, такой улыбкой можно было приворожить кого угодно лучше, чем отваром трав, собранных в полнолуние на кладбище.

Матвей ловко починил колесико, вылетевшее из пазов, и поставил чемодан в угол, понимая, что уехать на время от проблем было очень хорошей идеей.

Мирра

Попутчики заставили Мирру понервничать. Она знала, как любят ее ровесники шумные компании и разговоры до утра. То, чего она не переносила на дух. Она видела, с каким восхищением Матвей смотрел на белокурую фею, которую, как выяснилось, звали Полиной, только что слюни на пол не капали. Да и какой мужчина останется равнодушным при взгляде на тонкое пластичное как виноградная лоза девичье тело, длинные белокурые волосы и прозрачные как

ледяная вода глаза? А уж когда фея открыла прекрасный рот и заговорила поистине неземным томным голосом, шансов у него не осталось. Мирра видела его взгляды и понимала, что дальше будет наблюдать сплошной флирт.

Она не очень хорошо разбиралась в людях, но не нужно иметь образование психолога, чтобы все понимать. Матвей любил общение, не зря же так сразу спросил ее имя, так быстро назвал свое. Сама Мирра могла бы и вовсе с ним не познакомиться. Какой смысл знакомиться со случайным попутчиком в поезде? Вы расстанетесь через несколько часов навсегда, зачем запоминать имена друг друга? Матвей был явно не таким. По первому взгляду на него было понятно: глаза с вечным прищуром от улыбки, всегда приподнятые уголки губ, готовые растянуться в стороны при первой же возможности. И невесомое создание Полина, фея в человеческом обличье, похоже, была такой же, как он. Они познакомились еще на стадии затаскивания ее сломанного чемодана в купе, Матвей даже как-то панибратски представил ей Мирру, словно они с ним были старыми приятелями. Не хватало только, чтобы четвертым в их купе оказался второй мужчина такого же возраста, который решит приударить за Миррой, раз уж получают две парочки. Или, чего доброго, мужская часть компании решит дружно выпить. А пьяные парни редко понимают слово «нет». Однако поезд тронулся, а четвертый к ним так и не присоединился. Уже легче.

Чтобы сразу обозначить, что участвовать в общих разговорах не намерена, Мирра вытащила ноутбук и открыла текстовый редактор. Командировка командировкой, но всегда найдется статья, которой можно заняться на досуге. Не срочная, не актуальная сегодня, над которой можно работать в свое удовольствие, чтобы потом продать отдельно. Но не прислушиваться к болтовне своих попутчиков никак не получалось. Надеть наушники показалось слишком уж некрасивым. Пусть она видит этих людей в первый и последний раз, но воспитание (ха-ха, будто ее кто-то когда-то воспитывал) не позволяло.

Сначала ребята болтали обо всяких глупостях, предсказуемо скатываясь во флирт, но довольно быстро разговор вышел к тому, что всегда обсуждают случайные попутчики: кто и куда едет. И внезапно оказалось, что оба едут в одно место.

– Вы тоже в Липники? – с удивленно-кокетливой улыбкой переспросила Полина.

– Не совсем, – покачал головой Матвей. – Там я выхожу. А потом мне еще предстоит как-то добираться до Елового.

Если до этого Мирра тщательно делала вид, что ничего не слышит, то сейчас подняла голову. Невероятное совпадение! Ведь она тоже собиралась выйти в Липниках, чтобы потом искать деревню со странным названием Еловое. Даже первое совпадение уже казалось странным, потому что Липники – очень мелкая станция. Настолько мелкая, что поезд там не останавливается. На самом билете было написано, что в случае необходимости остановки нужно заранее предупредить проводника, чтобы тот передал машинисту. А уж то, что им обоим нужно в Еловое – и вовсе невозможно. Но еще невозможнее оказалось, что и Полина ехала туда же:

– В Еловое? Надо же, ведь и мне туда! Какое невероятное, но удачное совпадение, вдвоем нам будет веселее.

– Еще скажите, что вы все едете на свадьбу, – фыркнула Мирра, снова утыкаясь в ноутбук. Не бывает таких совпадений. Она даже не удивится, если на самом деле Матвею и Полине нужно в разные места, просто они копируют друг друга, чтобы продолжить знакомство.

Тишина, повисшая в купе, заставила ее оторваться от ноутбука и опять поднять голову. Попутчики смотрели на нее с долей недоверия и немножко – страха.

– Откуда вы знаете? – охрипшим голосом спросила Полина.

Вот теперь почему-то жутко стало и Мирре, хотя ничего сверхъестественного и в таких невероятных совпадениях не было.

– Потому что я еду туда же.

Все трое переглянулись. Даже без ответа Матвея девушки поняли, что он едет тоже на свадьбу.

– А ты со стороны жениха или невесты? – первой прервала напряженное молчание Полина, как-то резко перейдя на «ты», и Мирра подумала, что это правильно. Раз уж они едут в одно место и на одно событие, очевидно, общаться им предстоит долго, так к чему эта официальность?

– Я вообще не знаю, кто женится, – призналась она. – Я – журналист. И мне нужно написать об этой свадьбе статью для журнала. Хотя все это очень странно. Я не пишу о свадьбах. Не мой профиль.

О том, что неизвестный спонсор оплатил командировку и прилично заплатил журналу, чтобы поехала именно она, Мирра промолчала. Вроде ничего важного в этой информации нет, а все равно говорить не захотелось.

– Я тоже не знаю ни жениха, ни невесту, – сказала Полина. – Я пою на свадьбах, вот меня и попросили там спеть. Так что это хотя бы мой профиль.

– А кто попросил? – уточнила Мирра.

– Не знаю. На рабочую почту пришло приглашение, а на карту упали деньги на дорогу и аванс за работу. Мне как раз нужно уехать и нужны деньги, так что я даже не стала спрашивать, кто это сделал. Очевидно, жених или невеста. Чаще всего они этим занимаются.

– Жених этого не делал, – внезапно сказал Матвей, и обе девушки повернулись к нему.

Хоть кто-то знаком с брачующейся парой, уже легче. Мирра не знала, почему легче, но пока странная неизвестность ее немножечко пугала.

– Откуда ты знаешь? – спросила Полина.

– Потому что жених – это я.

Челюсть белокурой феи упала ниже стола, и вместе с нею упало и ее настроение. Полина разом сникла, а Мирра – хоть ей и не нравилось наблюдение за флиртом этой парочки – внезапно разозлилась на Матвея. Если он – жених, зачем пудрил девочке голову? А ведь явно пудрил, заигрывал. Мирра в очередной раз убедилась, что не зря никогда не связывала себя длительными отношениями с мужчинами. Конечно, виной тому была ее общая нелюдимость и нелюбовь к людям, но сейчас она, пожалуй, впервые этому обрадовалась.

– Ты жених? – разочарованно выдохнула Полина.

– В таком случае, поведай нам, что это за странная свадьба, о которой нужно написать в столичном журнале? – с сарказмом, за которым пряталась сочувствующая Полине злость, поинтересовалась Мирра. – Кто невеста? Дочка нефтяного магната? Или, быть может, ты сам нефтяной магнат, который любит ездить в общественных поездах и есть чебуреки в забегаловке?

– Вы будете смеяться, но я сам ничего не знаю, – развел руками Матвей.

Смешным это никому не показалось.

– В каком смысле? – настороженно спросила Мирра, закрывая ноутбук.

Очевидно, работать над статьей ей уже не придется. Почему-то захотелось выйти из поезда, не доезжая никаких Липников, и вернуться домой. Однако она никогда не была трусливой. Осторожной, но не трусливой. А еще – любопытной. Главред сказал ей, что если однажды она начнет писать на более злободневные темы, может стать известной. К известности Мирра не стремилась, но укор уловила. Она не любила «горячие» темы, сплетни и грязное белье, и уж тем более не стремилась писать на опасные темы. Те, которые по статистике лучше всего читают и которые приносят самые большие деньги изданиям. Для таких тем нужно обладать определенными связями, то есть общаться с людьми. И вот это всегда ее отталкивало. Но раз в данном случае что-то необычное само плывет ей в руки, то есть, в руки необычному плывет она, глупо теперь разворачиваться и грести обратно.

Мелькнула даже мысль, что все это подстроил главред, что не было никакого спецзаказа именно на нее, подошел бы любой журналист, но она решила об этом не думать. По крайней мере сейчас были другие задачи.

– Я еду туда в качестве жениха, но кто невеста – без понятия, – признался Матвей, неловко улыбаясь.

– Это как вообще? – все еще не понимала Полина.

– Дело в том, что меня воспитывала бабушка. Я родился в Еловом, но бабушка увезла меня оттуда еще младенцем. Отец бросил маму беременной, а мама умерла в родах. Почему бабушка решила уехать, я не знаю, она никогда не рассказывала. Но с детства готовила меня к тому, что однажды я вернусь туда

для женитьбы. Честно говоря, я никогда не воспринимал такие рассказы всерьез, а потому и не расспрашивал особо. Пока был маленьким, задавал вопросы, конечно, но детям никогда все не рассказывают. А когда уже начал соображать, думал, что бабушка просто никак не примет того, что я вырос, и по-прежнему кормит меня сказками о героях и принцах, в роли которых был, разумеется, я, которые выросли вдали от дома, но однажды возвращаются в свое царство дабы сесть на трон и спасти жителей.

- Спасти жителей? - недоверчиво переспросила Мирра.

- Я плохо помню те сказки, - признался Матвей. - Кажется, когда я был маленьким, они звучали как-то так. Это ведь сказки, их рассказывают детям. Я же говорю: когда вырос, вопросов не задавал, поэтому реальную версию сказок и не знаю.

- Но в них бабушка говорила тебе, что ты должен будешь вернуться в Еловое и жениться? - с долей скепсиса уточнила Мирра.

Матвей кивнул.

- А как ты узнал, что это время настало? Ведь не зря же мы все оказались в этом поезде. И если меня с Полиной позвал не ты, значит, невеста так решила. Она писала или звонила тебе? Ты поэтому едешь?

- Нет. Мне звонили вчера, но не невеста. Я не знаю, кто она. Звонила бабушка. Велела собираться и ехать на ближайшем поезде. Вот я и поехал.

Мирра приподняла брови, даже не стараясь скрыть отношение к происходящему, и поймала на себе примерно такой же взгляд Полины. Если белокурая фея поначалу и была очарована высоким улыбчивым попутчиком, то теперь градус очарования заметно снизился.

- Такая нужда жениться? - холодно поинтересовалась она.

Матвей улыбнулся. И вроде бы весело, но скользили в этой улыбке и грусть, и неловкость, и одновременно стыд за принятое решение.

– Так получилось, что меня совсем недавно бросила девушка, вот я и решил, что это путешествие к истокам – неплохой повод отвлечься.

Услышав, что он свободен, фея снова воспрянула духом. Конечно, жениться-то он еще не женился, а вот девушки нет уже сейчас.

– А почему ты не расспросил у бабушки о невесте? – поинтересовалась она.

Матвей бросил на Полину странный взгляд. Мирра даже напряглась. Тоненький голосок в голове прошептал, что все, сказанное до этого Матвеем, будет не таким необычным, как то, что она услышит сейчас.

Так и вышло.

– Бабушка умерла полгода назад.

Глава 2

Матвей

Первый раз бабушка позвонила ровно через девять дней после своей смерти. Время уже приближалось к полуночи, когда в большой коммунальной квартире зазвонил старенький телефон. Несмотря на поздний час, первой к аппарату, как всегда, подбежала Марья Ивановна. Однако поговорила она совсем немного, а потом аккуратно положила трубку на столик и засемила босыми ногами по старому вытертому паркету к двери Матвея.

Он долго не мог понять, что от него хочет старая соседка. Бабушка умерла, другой у него нет, кто может ему звонить? Но сил спорить с Марьей Ивановной не было, поэтому он покорно поплелся к телефону.

Это оказалась она. На самом деле она! Бабушка, с которой он прожил восемнадцать лет с рождения и до того момента, как уехал учиться, да так и остался жить в городе. Он не так уж часто навещал ее, вечно находились какие-то дела. Вот и перед смертью они не виделись больше полгода. Бабушка еще

не казалась ему старой, ей было всего шестьдесят шесть, на здоровье никогда не жаловалась, а потому он и подумать не мог, что они больше не увидятся. И за это корил себя.

Корил настолько сильно, что все девять дней после ее смерти ему постоянно чудилось ее присутствие. Он слышал то ее дыхание по ночам, то чуть шаркающие шаги в коридоре, но убеждал себя, что это всего лишь ветер и соседи. А знакомые черты звукам придают воображение и чувство вины. Но звонок Матвей объяснить не мог, ведь это точно не было сном или галлюцинацией, Марья Ивановна тому свидетель.

Он стоял, ошарашенный, словно прибитый пыльным мешком, прижимал трубку к уху и слушал бабушкин голос. Бабушка интересовалась, как у него дела, как поживает Катенька, не забывает ли он шапку, выходя на улицу, ведь сейчас такой мороз. Матвей машинально что-то отвечал, а самому казалось, что вот-вот грохнется в обморок, как девчонка. Ведь так не бывает! Мертвые не звонят живым!

С тех пор звонки случались часто, раз-два в неделю. Пришлось соврать Марье Ивановне, которая, конечно, знала, что бабушка у Матвея всего одна и та умерла, что это соседка бабушки. Дескать, они близко дружили, она тоже участвовала в воспитании Матвея, а потому он привык называть ее бабушкой. Пока его родная бабушка была жива, соседка все новости узнавала через нее, теперь же взяла на себя заботу о неродном внуке. Марью Ивановну такое объяснение удовлетворило, а вот Матвея нет.

Он не понимал, где искать ответы. Читал соответствующую литературу, но чаще всего ему попадался откровенный бред. Он не был медиумом, точно это знал. Да и звонила ему только бабушка, никакие посторонние призраки не тревожили. Попробовал один раз обратиться к якобы настоящему медиуму для консультации, но тот ответственно заявил, что такого быть не может, раз у Матвея нет дара. Предлагал установить контакт под собственным руководством. За деньги, разумеется. Матвей не согласился. Ему не было жалко денег, но медиум не вызывал доверия. Да и зачем связываться с бабушкой через кого-то, если вот же, она сама исправно звонит!

Несколько раз Матвей, проходя мимо церкви, даже останавливался перед входом, но так и не решился зайти. Думал, может быть, бабушкиной душе нужно успокоение, хоть ее и отпевали в церкви. Возможно, батюшка мог бы ответить

вопросы и помочь лучше медиума, но он так и не зашел.

Бабушка была верующей. Соблюдала посты, никогда не работала по воскресеньям и праздникам. На старых фотографиях, которые она показывала, в ее доме даже были иконы, но после того, как они уехали из Елового, ничего такого в новый дом она не покупала. В церковь по большим праздникам ходила, но куличи не освящала и никакую обогащенную серебром воду домой тоже не носила. И Матвей был некрещеным.

- Это желание твоей мамы, - объясняла она.

Матвею такое объяснение казалось странным: когда это верующие бабушки, получившие полную власть над некрещеными внуками, слушались желаний их родителей? Но эти вопросы, как и все другие, он тоже не задавал. Бабушка в церковь никогда не звала, а он тоже не стремился. И даже во время отпевания не заходил. Это казалось ему лицемерным: никогда там не бывать, а зайти на отпевание. Так и простоял на улице под ледяным ветром и застилающей глаза метелью.

Вот и в тот раз не получилось, не смог пересилить себя. Сам не знал, чем ему так не угодила церковь, но даже в церковный двор не вошел. Возможно, потому что это было желание его мамы. И даже ради бабушки он не смог его нарушить.

Бабушка звонила и звонила, и Матвей привык к ее звонкам. Что-то рассказывал, но о многом умалчивал. Соседи всегда грели уши во время таких звонков, а забрать телефон в комнату не представлялось возможным. И вот вчера он наконец понял, зачем бабушка беспокоила его все это время: боялась, что внук забудет о «своем предназначении», не поедет в родовое гнездо, когда придет время. Бабушка недооценила силу своего влияния: время пришло, и он послушно поехал. Быть может, в другой ситуации и не поехал бы, но...

Матвей ехал не спасать кого-то. Он бежал от собственной жизни. А уж куда бежать в таком случае, не все ли равно?

Девчонкам о проблемах на работе не рассказал. Не пристало мужчине ныть. Тем более совершенно случайным попутчицам. Поэтому сказал, что просто исполняет последнюю волю бабушки да заодно отвлекается от ушедшей девушки. Почему-то про Катю ему сказать было легко, а про работу - нет.

Жениться ни на ком, естественно, не собирается, но как минимум разобраться в ситуации следует. Хотя бы для успокоения бабушкиной души. Матвей не знал, поверили ли они в звонки или сочли его сумасшедшим, но другого объяснения дать все равно не мог. Как и умолчал о еще одной, очень важной причине поездки.

– Значит, тебя воспитывала бабушка, а мама умерла при родах? – переспросила Полина, когда он замолчал, как будто из всего рассказала уловила только это. Матвей опасался смотреть на нее. Девушка ему понравилась. Жаль будет, если он так сходу ее разочаровал, и она сочла его психом. Не то чтобы он рассчитывал на какие-то отношения, они были еще слишком мало знакомы, но даже болтать с ней было приятно. А то чем черт не шутит: легкий роман сейчас совсем не повредит. Может быть, увлекшись другой, он однажды сможет отказать Кате при очередном звонке?

– По крайней мере, так бабушка говорила, – подтвердил Матвей.

Он не смотрел на нее, поэтому не видел выражения лица, и не знал, что заставило Мирру поинтересоваться:

– Почему ты спросила?

Только тогда поднял голову, но Полина уже смотрела на Мирру, и он так ничего и не понял. Зато Мирра выглядела напряженной, хотя с самого начала делала вид, что в разговоры вступать не намерена. Забавная девчонка. Если Полина привлекала ангельской внешностью, грудным голосом, милой улыбкой и готовностью отвечать на ухаживания, то Мирра обращала на себя внимание противоположным: она явно была одиночкой, сторонилась людей, они были ей неприятны. Почему? Такой у нее характер или видела много зла? Матвей почти не встречал людей, которые были бы такими с рождения просто так. Всегда есть причина. Наверняка есть она и у Мирры.

И имя. Твердое, резкое. Не мягкая Мирослава, ни спокойная Мира. Мирра. Бьющее наотмашь, жесткое, бескомпромиссное. Словно скорлупа, за которой уютно прятаться.

– Потому что я тоже не знаю своих родителей, – сказала Полина. – Меня воспитывала тетя, мамина сестра. Она всегда была скупа на слова и эмоции,

поэтому о родителях я знаю очень мало. Точнее, про отца вообще ничего. Тетя говорила, что не знает, кем он был. Мама забеременела незамужней. И умерла, когда я была совсем крохой.

- Если ты сейчас скажешь, что тоже родилась в Еловом, я подумаю, что вы надо мной издеваетесь, - заявила Мирра, но по тону Матвей понимал, что ей не смешно. Ему тоже смешно не было.

- Нет, - Полина покачала головой. - Точнее, я не знаю. Мое свидетельство о рождении сгорело при пожаре, а в дубликате значится город, где я жила с тетей и ее семьей. Но я точно знаю, что родилась не там. Мы переехали туда, когда мне было два года.

Все трое замолчали, обдумывая услышанное.

- А ты? - наконец спросил Матвей у Мирры.

По ее лицу пробежала тень, он заметил это.

- Я вообще не знаю, кто мои родители. Я росла сначала в детском доме, а потом в приемной семье, - наконец сказала она.

- Супер! - выдохнула Полина, откидываясь на спинку купейного дивана.

Никто из них не знал, чем это всем угрожает, но понимали: их троих выбрали не просто так. Наверняка и Полина, и Мирра тоже значили что-то важное, но только Матвея готовили с детства. Если, конечно, бабушкины сказки безо всяких объяснений можно назвать подготовкой.

- Очевидно, мы все едем туда не просто так, - высказал общее мнение Матвей. - И я не удивлюсь, если все мы родились там.

- Или же едем туда именно мы, потому что у нас нет родственников, в случае чего никто не станет нас искать или поднимать панику, - мрачно добавила Мирра.

Такой вариант приходил ему в голову, но он не хотел пугать девчонок. Никто не назначал Матвея главным, но он чувствовал ответственность за попутчиц. Как минимум потому, что был мужчиной.

– Если кто-то из вас боится, может не ехать, – неуверенно предложил он. – Клятвы на крови мы не ставили, никому ничего не обещали. Можно выйти на ближайшей станции и вернуться домой.

Девчонки переглянулись.

– Я поеду, – не слишком уверенно сказала Полина. – Мне нельзя возвращаться. А куда ехать – все равно.

Матвей не стал спрашивать, почему ей нельзя возвращаться. Выяснит это как-нибудь потом. Раз Полина едет с ним, то на это еще будет время. Он посмотрел на Мирру, ожидая, что передумает она. Она промолчала, и Матвей понял, что никогда еще девушка не была так близка к тому, чтобы узнать что-то о себе, о своих истоках и, возможно, родителях. Наверное, каждый детдомовский ребенок этого хочет. Она поедет, даже если рано или поздно они выяснят, что это опасно. Впрочем, с чего вдруг он взял, что это опасно? Особенно для них. Журналистка и певица. Это его назначили женихом, даже не сказав, кто невеста, а девчонки просто отработают программу и вернуться домой.

Полина

До позднего вечера ребята обсуждали возможные теории, пока всех не стало клонить в сон. Поужинав в вагоне-ресторане, легли спать. Никто четвертый так и не присоединился, и Полина была рада этому. Ей уже нравилась их маленькая компания. Нравился улыбчивый Матвей, хоть новость о том, что он едет жениться, а ей предстоит петь на его свадьбе, и огорчила ее. Она еще не была готова к новым отношениям, из старых бы выпутаться, но с занятыми мужчинами знакомств не водила принципиально. Нравилась и угрюмая Мирра, старательно делавшая вид поначалу, что попутчики ее не интересуют. Она была немногословна, но когда говорила, то всегда четко и по делу. Не пускалась в пространные размышления, не паниковала и не нагоняла страху. Журналист, сразу видно. Хотя, наверное, в современной журналистике как раз ценятся противоположные качества.

Матвей и Мирра улеглись на нижних полках, а Полина забралась на верхнюю. Ей не так часто доводилось ездить в поездах, поэтому уснуть под мерный стук колес не удавалось долго. Мешали и приглушенные разговоры в соседних купе, и шаги по длинному коридору, и позвякивающая где-то о стеклянный стакан забытая ложка. Только когда поезд удалился от населенных пунктов и за окном воцарилась полная темнота, Полине удалось задремать. Она провалилась в неглубокий тревожный сон, который с легкостью прервался при первой же возможности.

Полина распахнула глаза, но ничего не увидела. Небо заволокли тяжелые тучи, скрывшие убывающую луну, редкие фонари проскальзывали мимо окон так быстро, что походили на короткие всполохи и скорее раздражали, чем что-то освещали. Узкая полоска света из-под двери не подсвечивала даже пол, что уж говорить обо всем купе. Вокруг была оглушающая тишина, давящая на глазные яблоки невидимыми пальцами. И в этой темноте Полине казалось, что на нее кто-то смотрит. Ощущение было таким ярким, таким осязаемым, что волосы на теле мгновенно встали дыбом.

Не отдавая отчета своим действиям, Полина вытащила из-под комковатой подушки телефон, быстро зажгла экран и отвернула его от лица, освещая пространство перед собой. Пустое пространство. На соседней полке лежали только ноутбук Мирры, рюкзак Матвея и ее, Полинина, расческа.

Девушка посветила телефоном вниз, но и там все было спокойно. Матвей спал на спине, чуть приоткрыв рот и слегка посапывая, Мирра отвернулась к стене и свернулась калачиком. Наверное, замерзла под тонким одеялом. Лето стояло жаркое, но во сне всегда становилось прохладно.

– Матвей, – тихонько позвала Полина. – Мирра.

Ни один не отозвался. Спали они крепче Полины. Она еще раз осмотрела в тусклом свете телефона все купе. Фонарик включать не стала, чтобы яркий свет не разбудил попутчиков, но и так было видно, что, кроме них троих, в купе никого нет.

Полина повернула к себе телефон, и в то короткое мгновение, когда его свет скользнул по окну, она увидела в отражении мужское лицо. Вздрогнула, тут же снова посветила телефоном на окно. Пусто. Тусклый прямоугольник экрана

отражался от мутного двойного стекла, за которым по-прежнему было темно. Посветила на дверь купе – закрыта. Должно быть, показалось. Если бы дверь открывалась, она бы услышала.

Полина легла обратно, но телефон не выключила. Сердце билось гулко и быстро, едва ли ей удастся уснуть, а лежать в темноте страшно. Интернета нет, поэтому пришлось завести одну из немногочисленных игрушек, завалывшихся в телефоне, и периодически поглядывать на окно. Лишь когда размеренное собирание разноцветных шариков в ряд окончательно сморило ее, Полина снова выключила телефон и уснула. На этот раз крепко и без сновидений.

Проснулась от того, что кто-то аккуратно тряс ее за плечо. Сначала дернулась, испугавшись, но тут же увидела перед собой лицо Мирры.

– Минут через двадцать приедем, – сообщила она. – Проводница просила сдать белье и ждать в тамбуре. Поезд там останавливается исключительно ради нас, а потому выйти нужно быстро.

Полина кивнула, и Мирра тут же исчезла.

Вставать не хотелось. За окном только-только забрезжил рассвет, сейчас бы завернуться в одеяло, повернуться к стене и поспать еще несколько часиков. Полина с рождения была совой, ранние подъемы терпеть не могла, а последние несколько лет жила исключительно ночной жизнью, не просыпаясь раньше полудня, поэтому сейчас чувствовала себя настоящим зомби. Быстро слезла с постели, сгребла ее в охапку, чтобы передать проводнице, а потом принялась торопливо складывать вещи.

Спустя ровно двадцать две минуты путешественники стояли на разбитом перроне, а поезд стремительно удалялся, превращаясь в едва различимую в утреннем тумане точку, а затем и вовсе исчез за горизонтом. Полина поежилась и огляделась по сторонам.

Место казалось совершенно заброшенным. Здесь не было здания касс, лавочек для ожидания поезда и даже фонарей. О том, что это станция, говорили только почти разрушенный временем перрон да покосившаяся табличка, на которой с трудом читалась надпись «Липники». Метрах в пятидесяти от рельсов начинался густой лес, по другую сторону насколько хватало глаз раскинулось

необработанное поле, поросшее высокой травой и луговыми цветами. Ни людей, ни животных.

- И куда дальше? - поежившись от утренней прохлады, спросила Полина.

Мирра молча пожала плечами, и обе посмотрели на Матвея. Не то чтобы они признали его главным по гендерному признаку, скорее подсознательно отдали пальму первенства потому, что он родился в этих местах. И хоть он ничего не помнил и находился в таком же положении, как и они, а все-таки довериться ему было проще. По крайней мере, Полина думала именно так. Как считала Мирра, она не знала, но та возражать не стала.

- Думаю, где-то здесь должна быть дорога, - неуверенно предположил Матвей, оглядываясь по сторонам. - Может быть, там ходит автобус, или сможем поймать попутку.

Может, и должна быть дорога, да только не видать ее. Поле совершенно ровное, нигде не видно примятой травы. Возможно, дорога проходит через лес? Матвей думал так же, поэтому предложил оставить чемоданы на перроне - едва ли кто-то здесь может на них покуситься - и пройти немного вправо и влево, посмотреть, нет ли где дороги. Чтобы сократить время, можно было разделить, но никто не высказал такого предположения вслух, опасаясь оставаться в одиночестве в таком странном месте, поэтому втроем они двинулись в сторону ушедшего поезда.

Перрон уже остался позади, чемоданы превратились в слабо различимые точки, а лес казался по-прежнему густым. Ноги, непривычные к ходьбе по пересеченной местности, устали и ныли, хотелось пить. Нужно было возвращаться обратно и идти в другую сторону, но Полине казалось, что и там они не найдут дорогу. Мирра попробовала загрузить карту в телефоне, но сеть не нашлась. Этот факт хоть и показался всем вполне логичным, но пугал сильнее. Полина уже жалела, что все-таки вышла здесь, не вернулась домой. Все дурацкие советы психотерапевта. Вам нужно уехать, Полина, иначе вы никогда не выберетесь. Уезжайте, отдохните, придите в себя. Посмотрите, как можно жить по-другому. Посмотрела, спасибо. Можно теперь обратно?

- Там что-то есть!

Голос Матвея вывел ее из задумчивости. Полина посмотрела в указанную сторону и действительно разглядела стремительно приближающуюся фигуру. Кто-то шел им навстречу.

- Надо же, мы не одни во Вселенной, - хмыкнула Мирра.

Трое путешественников остановились, настороженно глядя на приближающегося человека. Раз здесь есть люди, значит, цивилизация где-то близко. Случайный прохожий может как минимум указать им направление. Оставалось надеяться, что это не какой-нибудь бандит с большой дороги. Полина не удивилась бы, узнав, что здесь такие водятся.

Мужчина приближался быстро и, когда разглядел путников, широко улыбнулся. Чем ближе он подходил, тем сильнее напоминал медведя. Высокий, широкоплечий, светловолосый, он шел, чуть наклонившись вперед, и если бы не улыбка на лице, Полина действительно испугалась бы. Она и так предпочла отступить на полшага назад, почти спрятавшись за Матвеем и Миррой.

- Эти поезда ходят как им заблагорассудится! - еще издали попенял «медведь». - Еще чуть-чуть - и мы с вами разминулись бы!

Конечно, разминулись бы они едва ли, если учесть, что приехавшие понятия не имели, куда им идти, но такое приветствие успокаивало, и Полина непроизвольно тоже улыбнулась. Мужчина тем временем подошел ближе, и теперь стало видно, что он еще достаточно молод, до тридцати точно, а может и меньше. Возраста ему придавало загоревшее обветренное лицо, косматая борода, которую вряд ли отращивали специально, скорее, он просто пару недель не брился. Простая рубашка была порвана и не слишком аккуратно зашита на плече, а холщовые брюки вместо удобных джинсов выдавали в незнакомце деревенского жителя. Причем глубоко деревенского. Полине пару раз приходилось петь на деревенских свадьбах, и она видела, что одежда жителей почти не отличается от городской. По крайней мере, в радиусе тридцати километров от Пскова, а дальше она и не бывала. На ногах у мужчины были тяжелые, слишком жаркие для этого времени года, ботинки, но в лесу такая обувь наверняка себя оправдывала.

- Степан! - радостно возвестил он, протягивая руку в первую очередь Матвею. - Можно просто Степа.

– Матвей, – не так радостно ответил тот, возможно, потому что «медведь» слишком энергично тряс его руку.

Познакомившись с единственным парнем в компании, Степан повернулся к девушкам и тоже протянул им руку, правда, тряс уже аккуратнее, боясь сломать обеих пополам. Полина видела, что они обе пришлись ему по душе, и, чего уж скромничать, на ней взгляд «медведя» задержался дольше, чем на Мирре. Полина давно привыкла к такой реакции мужчин на собственную внешность. Она едва достигла подросткового возраста, когда ее начали провожать завистливыми взглядами и первым делом мысленно раздевать при встрече. Ей такие взгляды импонировали, хоть порой и раздражали, но нравиться Степану было приятно. Она даже мельком взглянула на Мирру, не завидует ли та, что и Матвей, и Степан предпочли ее, но той, казалось, было все равно. Вот уж странная девушка. Если бы не общая поездка, едва ли они с Полиной когда-нибудь сошлись бы.

– Я вас тут уже две недели жду, – объявил новый знакомый. – Не знал, когда точно приедете. К каждому поезду прихожу, и что вы думаете? Ни один еще не пришел в одно и то же время!

Степан зычно рассмеялся, а остальные непонимающе переглянулись. Сначала показалось, что Степан спутал их с кем-то, но теперь все понимали, что ошибки нет. Но почему две недели? Почему он не знал дату приезда? Кто-то же пригласил Мирру и Полину, так почему не предупредил встречающего? Все это казалось странным и пугающим.

– А где остальные? – продолжил Степан, не давая никому и слова вставить.

– Остальные? – переспросил Матвей.

– Ну да. Нас должно быть шестеро. Вот он я, а вас только трое. Где еще двое?

– Нас было трое в купе. Мы и сами случайно встретились, не знали, что в одно место едем. Да и сейчас мало что понимаем.

– Да? – Степан почесал могучей рукой подбородок. – Странно.

– Может быть, вы нам объясните, что вообще происходит? – поинтересовалась наконец Мирра. – На чью свадьбу мы едем? Кто нас позвал? Почему вам не сказали, когда точно мы приедем?

Степан как-то странно на нее посмотрел, потом встрепенулся, будто вспомнил что-то, осмотрелся по сторонам и сказал:

– Нужно ехать. Дорога дальняя, а в лесу ночью небезопасно. Где ваши вещи?

Мирра беспомощно посмотрела сначала на Матвея, потом на Полину. Матвей тоже сделал вид, что не услышал ее вопросы и не увидел красноречивого взгляда, а Полина лишь пожала плечами. Что она могла сделать? Поддержать Мирру? Почему-то казалось, что Степан не ответит. Не время еще для ответов. Все вопросы они зададут позже. Смущало только, что сейчас, в полном неведении они собираются поехать в глухой лес с незнакомым человеком, но какие еще у них варианты?

Вернуться они не могут. Поезда здесь останавливаются только по предварительному согласованию, а значит, никто их не заберет. Трассы, чтобы поймать попутку, тоже нет. Значит, у них одна дорога – вперед.

Матвей и Степан вернулись за чемоданами, и все то время, что их не было, Мирра угрюмо оглядывалась по сторонам. Полина ждала от нее какого-нибудь вопроса, укора, почему она не поддержала ее, но она молчала, и Полина молчала тоже.

Оказалось, до лесной тропы они не дошли совсем чуть-чуть: буквально в ста метрах от места, где они встретились, деревья чуть расступались, а между ними вглубь уходила плохонькая дорога, по которой редко кто-то ездил. Скрытая деревьями от посторонних глаз, на дороге стояла машина: большой внедорожник без верха. Такие Полина видела только по телевизору, когда Вадик смотрел очередной глупый боевик. На подобных машинах всегда ездили по бездорожью какие-нибудь американские рейнджеры, и Полине казалось это ужасно неудобным: ведь и пыль, и грязь из-под колес – все летит на водителя и пассажиров.

Степан забросил чемоданы в большой отсек позади заднего сиденья, и предложил всем залезать внутрь. По молчаливому согласию Матвей сел рядом с

водителем, а девушки разместились сзади. Ни о каких ремнях безопасности речи не шло, пришлось крепко ухватиться за железные рамы, возвышающиеся над машиной. Дорога оказалась отвратительной, а Степан – лихим водителем. Машину бросало из стороны в сторону, она подпрыгивала на кочках, а вместе с ней подпрыгивали и пассажиры. Поначалу ребята были так ошеломлены поездкой, что ничего не спрашивали, и лишь часа через полтора, когда привыкли к манере вождения Степана, а пейзаж вокруг так и не начал радовать разнообразием – сплошные деревья вокруг без следа проплешин или ответвлений дороги – решились начать разговор.

– Значит, тебя послали за нами? – первой спросила Полина.

Степан поймал ее взгляд в заляпанном грязью зеркале заднего вида и улыбнулся, показав два ряда удивительно крепких белых зубов. А ведь в этой глуши вряд ли есть стоматолог.

– Ну а кого еще? В деревне только у меня машина есть, а ехать далеко.

– Это мы уже поняли, – проворчала Мирра.

– А что за деревня? – тут же ухватился Матвей, но Степан как-то сразу сник, помрачнел.

– Да обычная деревня, – нехотя произнес он. – Сами увидите. Что рассказывать? Я в других не бывал, сравнивать не с чем.

Они еще немного помолчали, а затем Матвей задал главный вопрос, который давно крутился на языке и у Полины, что уж говорить о нем.

– А меня ты не знаешь? Я родился там, но ничего не помню. Меня рано увезли.

Степан, до этого внимательно следивший за дорогой, посмотрел на Матвея, но лишь покачал головой.

– Я сам ребенком был.

Больше он ничего не сказал, и на следующие вопросы отвечал уклончиво, умело уводя разговор в сторону от главного: деревни и свадьбы. Он много и с удовольствием рассказывал о здешней природе, о живности. Степан был охотником, часто приезжал сюда охотиться и зимой, и летом. Расспрашивал их о жизни в городах, ведь попутчики были из разных. Но главного так и не произнес.

Ехать пришлось целый день. Полина успела два раза подремать, привыкнув к манере езды, но даже во сне крепко сжимала железный поручень, боясь вывалиться. Мирра все время молчала, отвернувшись в сторону, и спала ли она, Полина не знала. Матвей и Степан изредка перебрасывались парой фраз, обсуждая теперь уже в основном необычный Степин автомобиль.

Наконец, когда большое красное солнце уже почти скрылось за деревьями, медленно погружая мир в полумрак и разливая темноту по лесу, Степан замедлил ход. Полина, снова начавшая дремать, встрепенулась, села прямее, огляделась. То же самое сделала рядом и Мирра. Обе начали высматривать по сторонам огни деревни, которые вот-вот должны были выплыть из темноты, но ничего не увидели. И даже когда Степан остановил машину и вывалился из нее наружу, кругом все так же простирался лес.

– Приехали! – объявил Степан.

Полина снова огляделась. В темноте перед ними стоял всего один дом, а сразу за ним продолжался лес. Должно быть, дом Степана стоял на окраине деревни. Хозяин тем временем зажег тусклую лампочку над порогом и гостеприимно распахнул входную дверь.

– Прошу!

Глава 3

Первая ночь Мертвой недели

Мирра

Снаружи дом выглядел очень маленьким и оказался таким же внутри. В нем были небольшие сени, где стоял только старый холодильник, а к стене были прибиты несколько длинных гвоздей, как оказалось, для верхней одежды. Сразу из сеней дверь вела в единственную комнату, которая выполняла функции и кухни, и гостиной, и спальни. Посередине стояла большая русская печь, на которой, очевидно, предполагалось готовить еду, поскольку плиты Мирра нигде не увидела, слева от печи – грубо сколоченный стол с двумя лавками вместо стульев, справа – большая кровать, тоже наверняка самодельная. Между печью и кроватью примостился узкий высокий шкафчик. Два маленьких окошка по обе стороны от печи выходили на лес, а потому едва ли давали днем достаточно света. Лунный свет заглядывал в них осторожно, расстилая на полу лишь тонкую дорожку, которая не доходила до противоположной стены.

Мирре никогда не приходилось бывать в деревенских домах, но в кино и на фотографиях они выглядели несколько иначе. Правда, этот, похоже, не совсем деревенский дом, скорее, лесной. Возможно, охотничий: на стене у кровати висело ружье. Тогда его размеры соответствуют назначению. Вполне может статься, что дальше в деревне у Степана есть еще один, уже более подходящий для жизни.

– Умывайтесь, – предложил Степан, сбросив с плеча тяжелый рюкзак, который захватил из машины. – Там, за печкой, есть умывальник. А я за дровами схожу. Нужно ужин приготовить.

Он вышел в сени, а секунду спустя хлопнула входная дверь. Путешественники остались одни, растерянно переглядываясь.

– Как-то не похоже это на деревню Еловое, – поежившись, заметила Полина.

Мирра была с ней согласна. Путешествие, начавшееся странно, теперь стало по-настоящему пугающим. Они ничего не знали о Степане, понятия не имели, должен ли он вообще был их встречать, не маньяк ли это, который отвез их в лес и готовится убить. От этих мыслей Мирре стало даже смешно. Не такая уж она важная птица, чтобы с ней обязательно должно было случиться что-то необычное.

– Возможно, до нее мы просто не доехали? – пожал плечами Матвей. – Придет Степан, спросим.

Умывальником оказалась пластиковая пятилитровая бутылка, прибитая к стене и заполненная водой. Под ней стояло старое металлическое ведро, в которую стекала использованная вода. Предполагалось чуть открутить крышку, быстро умыться и закрутить обратно. Горожане с этой задачей справились, хоть прилично облились и забрызгали пол вокруг. Впрочем, он не выглядел чистым, чтобы кого-то мучила совесть.

Более тщательный осмотр крохотного дома подтвердил догадку, что Степан не живет здесь постоянно: не было ни запасов продовольствия, ни лишних полотенец, ни второго комплекта постельного белья. Электричество выдавал генератор, установленный где-то рядом с домом: его мерное тарыхтение было хорошо слышно в лесной тишине.

Степан вернулся минут десять спустя с большой охапкой дров, выгрузил их возле печи, потянулся и посмотрел на гостей.

- Переночуем здесь, а завтра дальше пойдём.

- Пойдём? - переспросил Матвей.

- Дальше дороги нет, машине не проехать, - кивнул Степан.

Он принялся забрасывать дрова в печь, чтобы развести огонь, а потому не увидел, как напряженно переглянулись гости.

- А далеко идти? - уточнила Полина.

- Часа четыре. - Степан оторвался от своего дела, посмотрел на девушек, задержал взгляд на обуви Полины. - А обувь другая есть у тебя? А то будем идти не четыре, а двадцать четыре часа, и ты не дойдешь.

Мирра тоже посмотрела на обувь попутчицы. Белокурая фея умудрилась натянуть модные босоножки на танкетке. Мирра как-то мерила такие в магазине: и метра не прошла, до того они неудобные. Ходить в таких по лесу чистое самоубийство, никуда не дойдешь, Степан прав.

- Есть кроссовки в чемодане, - покраснев, сказала Полина.

Степан одобрительно кивнул, снова вернувшись к печи.

– Так что же, ты машину тут оставляешь? – снова спросил Матвей. – Не боишься, что угонят?

Степан коротко хохотнул.

– Некому тут. На сто километров одно Еловое, а свои не возьмут. Знают, что со мной лучше не связываться.

Степан наконец закончил с печью и отошел, оставив веселый огонек лизать сухие дрова. И хоть на улице стояло жаркое лето, но с огнем стало уютнее и теплее. Он отбрасывал на стену причудливые тени, и дом уже не казался таким угрюмым и неприветливым. Степан взял рюкзак, который принес из машины, поставил на лавку и принялся вытаскивать продукты: пачку дешевых макарон, банки с консервами, коробку с чаем, сахар, сушки, печенье.

Матвей подошел ближе, глядя на это, а потом заметил:

– Ты же сказал, что уже две недели ждал нас, а на сто километров вокруг никого нет, и в деревню пешком четыре часа идти.

Мирре это показался странным, поэтому она наострила уши, не понимая, что необычного углядел Матвей. А вот Степан, по-видимому, намек понял, потому что глянул на него исподлобья и продолжил доставать продукты.

– Ну да.

– Так почему у тебя рюкзак с едой в машине был, а не здесь?

Степан посмотрел сначала на Мирру, которая подошла ближе, потом на Матвея.

– Нельзя здесь еду оставлять, – наконец буркнул он.

– Почему? – не поняла Мирра.

– Звери могут в дом забраться? – предположила Полина. Как оказалось, она тоже прислушивалась к разговору.

Степан ответил еще более нехотя, чем раньше:

– Звери ладно. Хозяин поселится.

– Хозяин? – переспросил Матвей. – Это не твой дом?

– Мой. Дед его строил, теперь он мой.

Было видно, что Степан не хочет продолжать эту тему, но он и так сегодня слишком часто увиливал, чтобы гости позволили ему продолжать в том же духе. В конце концов, они имеют право получить ответы хоть на какие-то вопросы!

– Тогда что за хозяин? – настойчиво повторила Мирра.

– Хозяином у нас домового называют, – наконец произнес Степан, со звоном поставил на стол последнюю банку и закрыл рюкзак.

Мирра и Матвей переглянулись. Мирра видела, что Матвей удивлен не так сильно, как она. Конечно, если он искренне верит в телефонные звонки с того света, то что ему домовый?

– Домового? – переспросила Полина, и в ее голосе Мирра тоже не услышала настоящего удивления.

Неужели она одна здесь здравомыслящая? Остальные искренне верят в призраков, домовых... может, еще и русалок заодно?

– А почему ты не хочешь, чтобы он здесь поселился? – продолжила спрашивать Полина. – Говорят же, что домовые следят за домом.

– Но при этом они хотят, чтобы за домом следил кто-то еще, – уже с бо?льшим энтузиазмом ответил Степан. Наверное, его ободрило, что не все гости настроены скептически и не подняли его сразу на смех. – То есть за домом надо ухаживать, появляться часто, хозяину еды оставлять. А я здесь бываю редко.

Далеко от деревни. Шалить начнет от скуки.

– А если не оставить еду, он не придет? – с нескрываемым скепсисом поинтересовалась Мирра.

– Не, – Степан качнул головой. – Баба Глаша защиту поставила, – он кивнул в сторону двери. – Только оставленной едой ее можно разрушить, вот я и не оставляю.

Больше расспрашивать не стали. Всем хотелось есть и спать, не до разговоров. Пока варилась картошка в старом чугушке в печи, Полина, оказавшаяся не только красавицей, но еще и домовитой хозяйкой, приготовила незамысловатый салат, умудрилась из консервов соорудить произведение искусства. Мирра только с опаской косилась на большие куски тушенки с нерастопленным жиром и мерзкого вида холодцом. Она мясо почти не ела, даже приемной матери не удавалось заставить, но сейчас понимала, что поесть нужно. Завтра предстоит день гораздо более тяжелый, чем сегодня, а потому следует подкопить силы. И никакие овощи их не придадут в нужном количестве.

Все уже сели за стол, когда заметно повеселевший после прекратившихся расспросов о неудобных вещах Степан хлопнул себя по лбу и воскликнул:

– Я же совсем забыл!

О чем забыл, рассказать гостям не торопился. Вместо этого вышел из дома, закрыв за собой дверь.

– Куда он? – не поняла Полина.

Мирра, сидевшая за столом возле окна, выглянула на улицу. Степан открыл багажник машины и что-то не то искал, не то слишком аккуратно доставал. В тусклом свете фонаря над порогом было плохо видно. Вернулся несколько минут спустя, торжественно неся в руках бутылку с прозрачной жидкостью. Едва ли с водкой, скорее всего, с самогоном.

– Какой ужин без ста граммов, а? – весело подмигнул он.

Со стороны походило, что Степан уже отхлебнул из бутылки, потому и возился с ней так долго, но Мирре его веселье казалось тщательно разыгрываемым, а бутылка выглядела непочатой. Что-то было не так, но она не стала заострять на этом всеобщее внимание.

Степан вытащил из единственного шкафа, стоящего вплотную к печи, четыре рюмки, разлил по ним самогон и подвинул каждому.

– За знакомство! – возвестил он, высоко подняв рюмку.

Ни Матвей, ни Полина не выглядели обрадованными перспективой пить крепкий алкоголь неизвестного происхождения, но тоже подняли рюмки. Мирра последовала их примеру, чокнулась со всеми, но пить не стала. Она сидела очень удобно: с одной стороны ее прикрывала печь, с другой – Полина, наслаждавшаяся вниманием двух мужчин, а потому никто не увидел, как она быстро и ловко вылила содержимое рюмки под стол. Только бы не облить никого, ну а мокрый пол едва ли кто-то заметит. Мирра ничего не имела против алкоголя, дома порой коротала вечера с книжкой и бокалом вина, а иногда, оказавшись по нелепой случайности в компании, могла выпить что-то покрепче. Но сейчас ей очень не нравилось, как долго Степан возился с бутылкой в багажнике.

Самогон развязал языки, и ужин прошел за веселым трепом. Никто не касался деревни или предстоящей свадьбы, обходили стороной и домового, поэтому Степан полностью расслабился, отпускал скабрзные шутки и первым над ними хохотал. Мирра внимательно наблюдала за происходящим и прекрасно видела, что Матвей и Полина уже клюют носом, в то время как Степан опьянение и сонливость только разыгрывает. Мирра выжидала момент, чтобы поделиться наблюдениями с Матвеем и Полиной, но такой момент так и не представился. Степан никуда больше не выходил, а в маленькой комнатухе уединиться было негде.

Наконец засобирались ложиться спать.

– На улицу ночью не выходите, – напутствовал Степан, – я надеялся, что вы приедете раньше, но вы приехали к самому сроку, а потому там теперь опасно.

– Почему опасно? – откровенно зевая, спросила Полина. Было видно, что спросила скорее по инерции и тут же забыла свой вопрос, а потому Степан с чистой совестью не ответил.

– Я в сенях ведро поставил, если кому-то очень уж в туалет захочется. Вы ложитесь на кушетке, места обеим хватит, Матвей на печь заберется, а я на лавке устроюсь. Если что, будите.

По виду Полины и Матвея было понятно, что будить они не станут, поскольку едва ли проснутся раньше утра. Теперь Мирра точно уверилась, что Степан что-то подмешал в самогон. Она здорово устала от дороги и напряжения, а потому разыгрывать сонливость и опьянение, чтобы не вызвать подозрений, почти не пришлось.

– Чур я возле стенки! – хихикнула Полина, забираясь на твердую кушетку.

Спорить Мирра не стала. Ей было абсолютно все равно где спать. Если вообще удастся уснуть. Она никогда ни с кем не спала на одной кровати, а потому сомневалась, что сможет даже задремать.

Полина уснула, как только коснулась головой бугристой подушки. Матвей на печи тоже затих быстро. Мирра подложила ладони под щеку, но сквозь полуопущенные ресницы следила за хозяином дома.

Степан забросил остатки недоеденной еды в печь, сгреб со стола крошки, поднял даже те, что упали на пол, и тоже сжег в печи. Очевидно, он действительно верил в домового. Оставшиеся продукты собрал в рюкзак и отнес в машину. Приподнявшись на локте, Мирра осторожно подглядывала за ним через окно.

Спрятав рюкзак, Степан не сразу вернулся в дом. Какое-то время еще ходил вокруг машины и дома, словно ждал чего-то, курил. Время о времени останавливался, прислушивался, вглядывался в темноту между деревьями, но даже фонариком туда не светил. Мирра тоже вглядывалась, и в какой-то момент ей показалось, что темнота зашевелилась. Должно быть, сыграла злую шутку усталость, но она ясно увидела вспыхнувшие огоньки, будто два глаза. Вспыхнули и тут же погасли. Совпадение или нет, но Степан после этого быстро затушил сигарету о консервную банку и торопливо вошел в дом. Мирра слышала,

как тщательно запирает он дверь. Когда Степан вернулся в комнату, она уже лежала на подушке и делала вид, что крепко спит.

Хозяин еще некоторое время ходил до дому, выглядывал в окно. Раза два подходил к ним, словно проверял, все ли спят. Мирра не открывала глаза, но слышала его осторожное дыхание, когда он склонялся над ней. Сама в те минуты дыхание задерживала, а сердце начинало биться гулко-гулко, она всерьез опасалась, что Степан услышит и поймет, что она не спит. И что тогда сделает? Заставит выпить самогон со снотворным залпом? Придушит подушкой? Выведет во двор и расстреляет из ружья, которое висит на стене?

Степан не был похож на маньяка, но мысли в голову лезли именно такие, Мирра ничего не могла с собой поделаться. Наконец он лег на лавку, накрылся тяжелой фуфайкой и, похоже, уснул. В доме установилась полная тишина, нарушаемая лишь дыханием четверых людей.

А вот Мирре действительно не спалось. Полина, вопреки ее опасениям, лежала тихо и почти не мешала, но день был таким насыщенным, таким ярким и богатым на новые впечатления, что она не успевала задуматься, осознать, в какую глушь едет. Сейчас же, в ночной тишине и темноте почти физически чувствовала лес, обступающий дом со всех сторон. Вековые деревья подходили все ближе и ближе, сжимали кольцо, трогали дом размашистыми лапами, стучали в окно, и в стуче Мирра ясно слышала свое имя.

Мирра, Мирра.

Деревья звали ее, приглашали выйти, посмотреть на них, почувствовать себя маленькой, крошечной в огромном чужом мире. Испытать растерянность и страх, осознать свою ничтожность. Они отбирали у нее небо, воздух, наклонялись низко-низко, хватали за волосы. Мирра отмахивалась, бежала, падала, поднималась и снова бежала, но деревьев меньше не становилось. Не было просвета, не было подсказки, куда идти дальше. Сколько ни смотри вокруг – все те же деревья. Сколько ни поднимай голову – все то же недостижимое небо. Сколько ни кричи – все то же невероятное одиночество.

И сердце от этого бьется так быстро, так гулко, отдает в виски, в уши. Хочется зажать их руками, зажмуриться, перестать видеть и слышать, а потом снова открыть и понять, что она не одна...

Мирра резко распахнула глаза и села, едва сдерживая громкие всхлипы. Пришлось зажать рот ладонями, чтобы никого не разбудить. Из глаз крупными каплями катились по щекам соленые слезы, тело сотрясала крупная дрожь.

Она все-таки задремала. Задремала, и деревья снова обступили ее, как тогда, много лет назад. Вот уже длительное время Мирре не снился этот кошмар. Она жила в большом городе, район специально выбрала такой, где стояли только высотные дома с минимумом зелени. Соседи жаловались на отсутствие парков и скверов, а она радовалась. Больше не было приемных родителей, которые считали своим долгом раз в год вывезти детей на дачу. Больше не было дачи. Не было деревьев. Как, черт побери, ее угораздило оказаться в этом лесу?!

Сделав несколько осторожных глубоких вдохов и медленных выдохов, Мирра отняла руки ото рта. Теперь можно не бояться разбудить остальных. Медленно огляделась. Со стороны печи доносилось легкое похрапывание, с лавки – сильнее. Удалое, молодецкое. Степан с самого начала казался ей похожим на богатыря, и храп у него был такой же. Легкое дыхание Полины было едва слышным. Никого из них Мирра не видела, в доме было совершенно темно. Наверное, убывающая луна спряталась за облаками и теперь не освещала даже узкую полоску пола у самого окна.

Не сдержалась, бросила взгляд на окно. Но и за ним было черным-черно, ни ветки, ни дерева, ни кусочка неба не видно. Темнота стерла все краски, погасила огни. Мирра прикрыла глаза, еще раз глубоко вдохнула, открыла и едва не закричала. Не закричала только потому, что голосовые связки парализовало. Из окна на нее смотрели два ярко-зеленых глаза.

Прошло томительно длинное мгновение, пока она поняла, что глаза не за окном, не на улице, а отражаются в стекле, и их обладатель стоит за ее спиной. Теперь кричать было уже опасно, но из груди все равно вырвался не то стон, не то всхлип. Она быстро обернулась.

Зеленые глаза светились в темноте как два маячка. Кто-то стоял у двери и смотрел на нее. Мирра тоже смотрела, отдаленно понимая, что если это животное, то смотреть ему в глаза опасно, но не могла отвести взгляд. Обладатель глаз был небольшого роста, не больше полуметра, а то и меньше. Волк? Но как он оказался в доме? Мирра слышала, как Степан запирает дверь на замок, как закрывал засов. На засов она обратила внимание еще вечером: отодвигать его нужно было аккуратно, двумя руками, иначе он упал бы на пол. И

уж это все услышали бы. Окон, через которые можно забраться в дом, в сенях не было. Как он попал сюда?

Пока рука машинально искала под тяжелой подушкой мобильный телефон, Мирра лихорадочно думала, что делать. Не опасно ли светить на зверя? Не спровоцирует ли она его на прыжок? Пока Степан проснется, пока сообразит, что к чему, пока дотянется до ружья, Мирру уже в клочья порвут. А если ружье не заряжено, то и Полину тоже. Может, лучше как-то разбудить Степана? Но как? Любой шорох, звук могут спровоцировать волка не хуже света.

Пальцы сомкнулись вокруг теплого телефона, вытащили из-под подушки. Включать фонарик долго, поэтому Мирра просто зажгла экран и, не позволяя себе передумать, повернула его к двери. Колдовские глаза мгновенно погасли, уже не светились так ярко в темноте, но остались на месте. К облегчению, принадлежали они не волку, а огромному белому котяре. Даже если он дикий, все равно не такой опасный.

Мирра шумно выдохнула, даже плечи опустились. Только сейчас она поняла, как тяжело давил на грудь страх все это время. Если разобраться, то и коту неоткуда взяться в доме посреди ночи, но эти хитрые животные иногда, кажется, могут и сквозь стены просачиваться. Может, есть у него какая-нибудь тайная дыра, через которую он пробирается в дом. Например, печная труба. Или же он уже был здесь, схоронился в незаметном месте, чтобы Степан не выгнал, а как ночь наступила, вышел раздобыть пропитание.

В том, что кот голоден, Мирра не сомневалась. Он показался ей очень худым. Даже в тусклом свете мобильного телефона она видела, как торчат по бокам ребра, как облезла в некоторых местах шерсть.

– Сейчас, котенька, сейчас покормлю тебя, – пробормотала Мирра, слезая с кровати.

Она не питала особой любви к кошкам, но отказать в угощении голодному существу не могла. К сожалению, Степан сжег или вынес всю еду, в доме ни крошки. И тогда вспомнила, что в сумке лежит сэндвич. Уже немного черствый, но наверняка еще съедобный. Мирра купила коробочку с двумя сэндвичами, когда ехала на вокзал, один съела на ходу с чашкой кофе навынос, а второй сунула в сумку и забыла. Очень кстати.

Продолжая подсвечивать дорогу, Мирра встала с кушетки и, ступая осторожно, чтобы никого не разбудить и не напугать ночного гостя, двинулась к столу, где осталась ее сумка. Кот продолжал сидеть на месте. Не мурчал, не выражал нетерпения. Просто ждал и сверлил ее зелеными глазищами. После разговоров о домовых это немного пугало, поэтому Мирра торопилась быстрее найти угощение. Быть может, наевшись, кот уйдет тем же путем, которым пришел.

Она потянулась к сумке и чуть не закричала, когда кто-то резко схватил ее за запястье. Дернулась, пытаясь вырваться, но чужие пальцы держали крепко. Через несколько секунд она поняла, что это Степан. Мирра повернула телефон к нему и с удивлением поняла, что он не выглядит сонным, как если бы она разбудила его каким-то неосторожным движением. Очевидно, не спал уже давно. Лежал на лавке и ждал, пока она подойдет, а потом точным и уверенным движением схватил за руку.

- Стой, - почти не разжимая губ, велел он.

Она и стоит. Разве ж можно пошевелиться, когда тебя так держат? Чуть сильнее дернешься - размозжит кости. Стало неудобно. Команда прозвучала слишком серьезно. Как будто где-то рядом опасность, которую она пропустила.

- Я просто хочу покормить кота, - пояснила она. - Он явно голоден.

Степан продолжал сжимать ее запястье, словно опасался, что она убежит, сел на лавке и посмотрел в сторону двери.

- Это не кот, - все так же коротко и отрывисто заявил он.

Мирра тоже повернулась к двери. Ну как же не кот? Вот же, четыре лапы, усы, уши. Большой очень, конечно, но дикие коты, должно быть, всегда такие?

- В смысле?

- Это хозяин.

- Домовой?

Степан кивнул. А затем все таким же отрывистым кивком головы указал на ее сумку.

- Есть еда?

- Ну да. Сэндвич. Я хотела угостить кота.

- Я же говорил в доме еду не держать!

Говорил, глупо отрицать. Но тогда он не помнила о сэндвиче.

Степан наконец отпустил ее руку, но потянулся к сумке и беззастенчиво расстегнул замок. Вытащил пластиковую упаковку, ловким движением кинул ее в печь и поджег. Огонь сначала неуверенно лизнул прозрачную коробку, заставил сморщиться краешек, а затем вспыхнул весело, осветил ярче комнату и с удовольствием вгрызся в хлеб с ветчиной, предназначавшийся коту.

- Ты же сказал, баба Глаша поставила защиту, - не удержалась от подначки Мирра.

Покоробило такое бесцеремонное обращение с ее собственностью, но открыто возмущаться она опасалась. Степан не совсем здоров психически, это ясно, но весит под центнер, и росту в нем метра два, а она пусть и не маленькая, но рядом с ним просто дюймовочка. С такими не спорят. А ответить очень хотелось.

Интересно еще, кто такая баба Глаша? И какую защиту она поставила?

- Защита и стоит, но ты своей едой приманила его. Он смог войти. Покормила бы - и все, уже не выгонишь. Кыш! - последнюю фразу Степан сказал коту, махнув на него рукой.

И тут произошло то, что заставило Мирру пожалеть о не выпитой за ужином рюмке самогона. Тогда смогла бы пенять на опьянение и галлюцинации. Кот недовольно зашипел, а затем выгнул спину, вспыхнул зеленоватым светом и растворился в воздухе, оставив после себя только легкий струящийся дымок, переливающийся оранжевыми всполохами отражаемого из печи огня. Еще несколько секунд - развеялся и он. Пустое место осталось там, где только что

сидел большой белый кот.

- Это... как? - только и смогла выдать Мирра.

- Ты привыкнешь, - мягко, будто по-отечески сказал Степан.

Мирра не была уверена, что хочет привыкать к таким вещам. Ей было уютно в большом городе, где обыденными вещами считались метро, мобильные телефоны и интернет, а не домовые и коты, растворяющиеся в воздухе. Может быть, это и обыденно для деревни, но она выросла в городе.

- Ты поэтому накачал их чем-то? - Мирра кивнула в ту сторону комнаты, где мирно спали Матвей и Полина.

Она плохо видела лицо Степана, экран мобильного телефона давно погас, освещалось помещение теперь огнем в печи, который, доев сэндвич вместе с упаковкой, стал заметно меньше, но могла поклясться, что Степан смутился. Очевидно, не знал, что она в курсе его уловки.

- А ты наблюдательная, - похвалил он, и в голосе просквозило явное восхищение. - То-то проснулась. Поняла все и пить не стала?

- Зубы не заговаривай, - велела Мирра.

Степан вздохнул.

- Я ведь говорил, что ждал вас здесь две недели. Не знал, когда точно вас позовут, когда вы приедете, но надеялся, что это случится пораньше, и мы успеем добраться до деревни. К этой ночи вы будете все знать, а потому остерегаться. Но вы приехали в последний момент, учить вас чему-то у меня уже не было времени, рассказывать - тоже. Так сходу вы не поверили бы, а доказательств привести я тоже не успел бы. Поэтому пришлось вас усыпить, понимаешь?

- Ни слова, - честно призналась Мирра.

Степан похлопал ладонью по лавке рядом с собой, и Мирра послушно опустилась на нее.

– Сегодня такая ночь, – тихо и как-то торжественно начал Степан, – когда открывается дверь между Явью и Навью. Ты же знаешь, что такое Явь и Навь?

Мирра неуверенно кивнула. Славянскую мифологию она изучала, но не слишком усердно. Однако базовые знания имела.

– Явь – это наш реальный мир, Навь – мир мертвых.

– Если говорить грубо, то да, – подтвердил Степан. – Ходить между ними нельзя, дверь плотно закрыта, и открывается лишь в одну сторону: чтобы пропустить душу человека после смерти из Яви в Навь. Но в некоторых местах ровно на одну неделю в году эта дверь открывается в обратную сторону. И тогда мертвые проникают в мир живых. Первая ночь – самая опасная. Мертвые ждали весь год, они голодны, а потому страшны и опасны. Во все ночи Мертвой недели лучше сидеть дома и не высовываться без лишней необходимости, но в первую ночь делать это категорически запрещено. Попадешься нави на пути – и нет возврата, съест, сам попадешь в Навь.

Мирра отчасти понимала, почему Степан не стал рассказывать это всем. Услышь она подобное днем, когда вокруг светло ярко светит солнце, а тени трусливо прячутся по углам, ни за что бы не поверила. Она и не могла до конца поверить, но волоски на теле вставали дыбом. Ночью в подобные рассказы даже если и не веришь, то на всякий случай остерегаешься.

– А в дом они войти не могут? – поинтересовалась Мирра, придав голосу легкие оттенки насмешливости. Словно и не всерьез спрашивает, словно не верит, а скорее подтрунивает.

– Если дом защищен, то не могут, – подтвердил Степан. – Лучшая защита – еда на пороге и на подоконнике. Навь поест да уйдет дальше. Но в этом доме еду ставить нельзя, хозяин поселится. А потому баба Глаша своими методами его защитила. Навь вреда не причинит, но напугать может. Поэтому ложись лучше спать. Может, и не явится сюда никто, а может и заглянет. Лучше тебе спать в этот момент.

Легко сказать: спать. А как тут теперь уснешь? Мирра чувствовала, что сон сейчас – последнее ее желание. Сердце снова зачастило, в глаза словно вставили спички.

– А у тебя самогон остался? – против воли спросила она.

Степан посмотрел на нее и улыбнулся.

– Того, что со снотворным отваром, нет. А отвар в машине, к ней не пойду. Я, знаешь, медведя не боюсь, однажды со стаей волков встретился – не испугался, а нави до дрожи в руках опасаясь, хоть и умею с ней сражаться. От нави не сбежать, взрослый ты или ребенок, сильный или ложку с трудом до рта доносишь. Навь нападет – и не отвертишься. Шансы даже у меня мизерные. Но могу тебе просто самогона налить. Если с непривычки – быстро вырубит.

Мирре самогон был с непривычки. Она и водку-то пила раза два в жизни, предпочитала вино. Поэтому согласилась просто на самогон, без снотворного отвара. Степан налил ей стопку.

– Хватит и одной, – авторитетно заключил он. – У меня самогон знатный, градусов шестьдесят, не меньше.

– А закусить есть чем? – с надеждой спросила Мирра, разглядывая мутную жидкость в стакане, на многочисленных гранях которого разбивались на тысячи осколков огненные отблески: огонь нашел еще что-то недогоревшее, а потому снова вспыхнул сильнее.

– Откуда? Я же сжег все.

Мирра еще немного подумала, но выбора не было. Выдохнула весь воздух из легких и, не давая себе передумать, залпом опрокинула стакан, быстро проглотила, чтобы не чувствовать мерзкого вкуса. Горло обожгло расплавленным оловом, желудок сжался, не желая принимать натуральный яд. Чтобы не завизжать и не дать самогону вернуться обратно, Мирра спрятала лицо в локте, вдохнула затхлый аромат, которым уже пропитался свитер. В каком-то фильме она видела, что так делают мужики, когда у них нет закуски. Должно быть, тоже пытаются удержать в себе мерзкое пойло.

Спустя несколько бесконечных секунд пальцы, сжимающие горло, наконец ослабли. Мирра вдохнула уже спокойнее, вытерла градом льющиеся по щекам слезы и увидела, что Степан внимательно смотрит на нее. Увидев, что она справилась с самогоном, он улыбнулся. Снова покровительственно, по-отечески.

– Ложись, – мягко велел он. – Теперь точно до утра не проснешься.

Мирра с трудом помнила, как дошла до кровати, как забралась на нее и уткнулась лицом в белоснежные волосы Полины, разметавшиеся по подушке. Кажется, тяжелым одеялом ее накрывал уже Степан. Она провалилась в тревожный сон, в котором снова бежала по лесу, но больше не была одна. Ее преследовали невидимые навьи, гнались за ней, хватали за руки и ноги, но проснуться, как обычно бывает во время кошмара, она не могла.

Глава 4

Аленка

К свадьбе готовилась вся деревня. Еще бы, замуж выходит не кто-нибудь, а Таня, старшая дочка старосты, да не за деревенского рубаху-парня, а за городского, образованного, красивого и с манерами. На самом деле жениха никто в деревне еще не видел, но говорили о нем исключительно положительно и даже с легким придыханием, будто и не о человеке, а почти небожителе. Впрочем, для населения глухой деревушки все городские казались небожителями.

Городские не вставали с первыми петухами, могли позволить себе спать до шести или даже до семи утра, смотря кому к какому времени на работу. Да и работа эта... Разве ж это работа? Сиди себе в конторе да бумажки перекладывай. А даже если на заводе железяки таскает человек всю смену, так ведь рабочий день все равно закончится. И пойдет этот рабочий домой, будет весь вечер лежать на диване и смотреть телевизор. А вечером в душ, вода-то что? Кран открутил – вода полилась. И холодная, и горячая, на любой вкус. Это не баню топить раз в неделю, а в остальные дни ледяной водой из колодца в лицо плескать.

Завидовали деревенские городским, в то же время презрительно плевали в их сторону, но переезжать в город никто не хотел. Хоть и хорошо там жить, легко, да только все равно страшно. Жилье нужно покупать, а оно не копейки стоит. В деревне-то как? Выписали лес, собрали мужиков, за сезон домишко и возвели. А есть что? Магазинное невкусное и дорогое. А то и вовсе прилавки пустые. В Москве, говорят, все есть, а у них в городке рядом хоть шаром покати. В деревне все-таки в картошка своя, и огурцы, и другие овощи. Молоко, творог, масло – все свое. В деревне с голоду не пропадешь, если руки есть. Вот потому и не переезжали в город.

Те, кто помоложе, в сторону города иногда поглядывали. Все чаще молодежь после школы уезжала туда учиться, но мало кто оставался, потому что на первых порах нужна финансовая поддержка от родителей, а те помогать не хотели. Помоги остаться в городе – потеряешь рабочие руки в деревне. Вот Аленке, например, денег не дали на учебу. Школу она закончила год назад, но даже в училище не пошла, не то что в институт. Хотя учителя считали ее умной, директор лично разговаривал с родителями. Но в их семье заправляла мачеха, она Аленку и не отпустила. Нет, справедливости ради, мачеха Аленку не обижала. Голодом не морила, в обносках ходить не заставляла, черной работой не нагружала. Но учиться не отпустила. Остальные дети еще маленькие, а у нее ноги больные, некому женской работой по дому заниматься, кроме Аленки.

Из девичей компании в город уехала только Таня, будущая невеста, несмотря на то, что обладала не в пример меньшими умственными способностями, перебивалась с тройки на четверку. Но Танины родители прогрессивные и обеспеченные. Отец сразу заявил: нечего дочери в деревне прозябать, пусть учится в городе, да там и остается. Аленка втайне подозревала, что и жениха Тане отец нашел. Чтобы уж наверняка дочь пристроить.

Маринка и Соня школу закончили только в этом году, но обе собирались в город, Вике еще год учиться. Света, как и Аленка, осталась дома, но по собственному желанию. Город нагонял на нее страх, она даже с родителями выезжала туда крайне редко, что уж говорить о том, чтобы уехать и жить самостоятельно. А потому Аленка единственная отчаянно завидовала Тане, хоть никогда и не показывала этого.

Вечером, управившись с делами по дому, искупав малышей и приготовив отцу на завтра обед, она умылась, переоделась и отпросилась у мачехи погулять с девчонками.

- Ты бы не шастала по ночам в такое время, - покачала головой та, но по тону Аленка поняла, что мачеха отпустит.

И непонятно, не то считает, что она уже взрослая и сама может решать, что стоит делать, а что нет, не то просто не переживает за нее. С мачехой постоянно так: вроде и не обижает, но и любви Аленка от нее никогда не чувствовала. Впрочем, в этот раз ей было только на руку. Очень уж хотелось побывать на девичнике Тани.

- Да какое время! - легкомысленно отмахнулась Аленка.

- Сама знаешь какое, - проворчала мачеха. - В Мертвую неделю лучше дома сидеть, целее будешь. Особенно в первую ночь.

- Так ведь до часу ночи можно. К тому же, мы по улице ходить не будем, дома у Тани посидим. Мне только туда и обратно добежать.

Мачеха снова покачала головой, посмотрела на Аленку странно, будто решала что-то, потом велела ждать и скрылась в своей комнате. Аленка слышала, как скрипнула дверца старого шифоньера. Этот шифоньер мачеха привезла с собой, когда вышла замуж за отца, и детям категорически запрещалось открывать его. Что в нем хранится, Аленка не знала, поэтому сейчас терпеливо ждала среди кухни.

Мачеха вернулась несколько минут спустя, неся в руке крохотный холщовый мешочек, накрепко завязанный тесьмой и привязанный к длинной веревочке.

- Надень, - велела мачеха, протягивая мешочек Аленке. - И под одеждой спрячь.

- Что это? - спросила Аленка, с интересом рассматривая замысловатые узоры, вышитые на мешочке блестящими нитками.

- Оберег. Его моя мать покойная сделала. Защищает от любой нечисти. Ты береги его, не показывай никому, ладно?

Аленка кивнула, торопливо пряча под одеждой мешочек и смахивая со щек слезы. Наверное, впервые в жизни она почувствовала, что мачеха ее любит. Мать

умерла рано, Аленка ее плохо помнила, отец был скуп на эмоции, и никогда до этого момента Аленка не понимала, как сильно ей не хватает любви.

Слезы спрятала, а вот благодарность не смогла. Порывисто обняла мачеху, пообещав вернуться до часу, и выпорхнула из дома.

Девчонки уже собрались в большом доме Таниных родителей. Этот дом, как и все остальные в деревне, был одноэтажным и деревянным, но, в отличие от других, имел целых три изолированные спальни: родительскую и для каждой из дочерей – большую гостиную и кухню-столовую. Внутри тоже почти ничего не напоминало о деревенском быте. Если бы не печки в каждой комнате, и вовсе можно было бы подумать, что оказался в городе. Но, к сожалению, будь ты хоть трижды старостой, а топить все равно приходилось дровами. Зато на кухне стоял огромный холодильник и даже чудо-чудное – микроволновая печь. Откуда привез ее отец Тани, никто не знал, потому что не то что в деревне, а даже в ближайшем городе таких не было. А дальше никто из соседей никогда не выезжал.

Танины родители накануне уехали в город по делам, поэтому большой дом был в полном девичьем распоряжении. Ярко светились окна, уже во дворе была слышна задорная мелодия, льющаяся наверняка из новенького магнитофона, который Тане подарили на Новый год.

В доме было еще веселее. Огромная гостиная залита светом, музыка грохочет как на фестивале, а на столе возвышаются горы еды и выпивки. Из города Таня привезла не только жениха, но и новомодную привычку, которую называла «шведский стол». Почему именно «шведский», она объяснить не могла, но это было и не важно. Суть состояла в том, чтобы не выставлять на стол миски с салатом, мясом и картошкой, а делать небольшие бутерброды с разными начинками, которые почему-то обязательно прокалывались тонкими палочками, очевидно, чтобы эти крохотные кусочки не сваливались друг с друга. Салаты раскладывались в съедобные корзиночки, которые назывались смешным словом «тарталетка» (деревенские называли их «табуреткой»); фрукты и овощи лежали на больших тарелках. И все это следовало есть стоя. Подходишь с тарелкой к общему столу, накладываешь, что хочешь, и ешь, где придется. Аленке вся эта мода казалась странной, да и разве можно наестся этими порциями? Котов обильнее кормят. Но на всех праздниках Таня теперь готовила именно так, и никто ничего не говорил ей, боясь показаться древним и отсталым от жизни. Аленка точно знала, что девчонки, возвращаясь домой с каждой вечеринки,

набрасывались на ужин, но они молчали, и она молчала.

– О, Аленка наконец пожаловала! – громко возвестила будущая невеста, увидев вошедшую и тут же сунув ей в руки бокал, пока пустой. – Выпивка там! – Она махнула рукой в сторону большого стола. – Бери, что хочешь, и приходи к нам.

Аленка подошла к столу, растерянно глядя на бутылки, напитки в которых она никогда не пробовала. В деревне все было просто: чаще всего самогон, который гнали практически в каждом доме, изредка – самодельное вино. Но это считалось деликатесом, мужики от него презрительно кривились, а женщины пили маленькими глотками, наслаждаясь вкусом. Здесь же не было ни домашнего вина, ни, тем более, самогона. Аленка налила вина, на бутылке которого было написано «полусладкое», поскольку сухое она терпеть не могла, и присоединилась к девчонкам в гостиную.

Разговоры, конечно же, крутились вокруг будущей свадьбы и Таниного жениха, которого никто пока не видел. О свадьбе Таня рассказывала охотно: и сколько гостей приедет из города (с деревни-то все придут, здесь всегда что на свадьбы, что на похороны никого не звали, все шли сами), и какое у нее будет платье (его дошьют как раз ко дню свадьбы, ведь ткань заказывали из самой Италии, и она пришла с небольшим опозданием), и какие будут угощения. Даже музыку привезут из города, что показалось Аленке совсем уже барством. В деревне многие умели играть на гармони и гитаре, свадьбы всегда были веселыми. А когда молодежь заводила песни, так никакие профессиональные музыканты с ними сравниться не могли.

О чем Таня рассказывала неохотно, так это о женихе. Упомянула только, что он уже не студент, работает, хорошо зарабатывает, даже жилье свое есть, не придется со свекровью кухню делить, дальше мастерски переводила разговор на тему свадьбы. У Аленки сложилось впечатление, что жених Тане не очень-то и по нраву, но либо родителям отказать не смеет, либо тоже сделала ставку на городского ухажера, даже если вдруг он старый и страшный.

Девичник затянулся. Огни в деревне уже погасли, в каждом доме легли спать, и Аленка все чаще поглядывала на часы, вспоминая обещание вернуться до часу. Но уходить первой не хотела. С нее и так всегда смеялись, что не сидит долго, мол, так и ухажера никогда не найдет, парни не ложатся спать в девять вечера. Наконец и остальные девчонки начали откровенно зевать и поглядывать в сторону выхода, одна только Таня оставалась возбужденной предстоящим

событием, а потому спать совершенно не хотела.

Расходиться предложила Вика. Девчонки поддержали и, не слушая слабые возражения Тани, собрались и гурьбой высыпали во двор. Хозяйка тоже вышла вместе со всеми, проводить гостей. Ночь была лунная и очень теплая. Со стороны озера дул слабый ветерок, принося с собой едва уловимый запах сырости, а по земле стелился туман, но больше ничего не нарушало спокойствия приятной летней ночи.

- А давайте сходим к озеру! - предложила никак не успокаивающаяся Таня.

- К озеру? В такое время? - удивленно переспросила Света.

- Да какое время? Еще даже полуночи нет! В городе в это время спать не ложатся, а вы тут как древние.

- Я про время не на часах, а на календаре. Мертвая неделя началась, в такое время лучше по ночам дома сидеть, а к озеру ходить тем более опасно.

Остальные девчонки активно закивали, но вошедшую в раж Таню не так-то просто было сбить с толку.

- Так ведь раньше часу ночи навьи не покажутся, мы успеем. Тут идти-то пятнадцать минут.

- Да зачем нам на это озеро? - все еще не понимали подруги.

- Вы что же, легенду не помните? - хитро улыбнулась Таня. - Кто ночью в Мертвую неделю споет вместе с русалками из озера, тому они подарят мужа хорошего и семейное счастье.

- Так ведь ты себе мужа нашла уже, - хихикнула Соня. - Заранее второй вариант ищешь, что ли?

- Никогда нельзя останавливаться на достигнутом! - заявила Таня. - Мужа я нашла, но не откажусь от гарантий, что он окажется хорошим. Ну что, идем?

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/timoshenko_natal-ya/mertvaya-nedelya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)